

(84)

Sola Fide (3)

§ XVII (nonen) 80 p 12 lin
p 12 bis et 13 mediet

§ XVIII

XIX

Margon Toron 26 BI et 101 § IV

XX 34 lin BI § IV ap 106

XXI 44 lin

3 PRE

XXII 56

XXIII § 66 { BI § VII ap 126 ap 126 ap 126

XXIV p 74 lin

13 14 92 93 94

91 bis - 93 Titulum u Tene parat mediet (nonen ala HBJ)

2 a q 2 a 3

93^{lin} - I Lenendo o Benvenuto uniburg

"Hil
hwa
Iona
ap 139
Vol VIII

творца. Законность призывания

Гарпана не будет ни сейчас,
ни потом проворит. Мне кажется,
это все-таки, кто дал собою труды
внимательно всмотреться и подумать.
Воображая мной во представляю
главы материальны само собой ста-
нет очевидны, каковы истинны
убверности современного либераль-
ного политического течения. Гарпан-
ки один. Гарпан, во своих убеже-
дениях и предположениях, есть соби-
рательные лица. Гарпан- это вы,
и все даже не сегодняшнего дня,
а, если позволительно так выра-
зиться еще - все, Кери Оппер, как
говорил Лютер, во все время
и все же порождет. Опровергаю
его теоретическими возражені-
ми бесполезно, ибо как на уша
могли убедитъ, во известными
предънами теоретическія соображе-
ний терпятъ всю власть свою и
все обаяніе. Ма можемъ только
сказать одно: показать, что во все

слова
1) quod semper, quod ubique, quod
ab omnibus creditur истинно / P.R.S.
XIII, 104,
или
Sorbon

273 213
274

есть вещи, которые ^и то, quod semper
ubique et a vobis, как ваража —
ниси на толки, ситолого и ситиной —
представлял не то, что ошибоч-
ность, а страшный урок.

заблуждений. Мы (иногда, это ^{официально} Арх.
только, Воля Авиньяна т.е. все на-
толкитесь, а влиять и чини про-
тестанты, либеральной теории гор-
нах, как представитель современной
научной методологии. Голова всего
боится обрвать нить связыва-
ющую будничной, известной или
как принять говорить естествен-
ный порядок вещей и поощрен-
такой. Для Воли Авиньяна
воображений — sicut in naturalibus
videtur — является рационализм и
окончательный. Иными словами
облаковидный, всегда повторяющийся,
весьма доступный опять служить
заполнить того, что неизменно,
по иному разумный порядок
возмущают во всем вселенной,

что послѣднее начала, вѣчная тайна
 житей и неизбѣтна намъ, но како-
 дится въ полномъ соответствии
 и совершенной гармоніи съ той прав-
 дой, которую мы ^{уже} добыли. Не вара-
 няться терминами схоластики
 Божьей potentia absoluta
 не можеть представитъ для насъ
 Бога, познавшаго Его въ созданномъ
 намъ potentia ordinata міръ ни-
 чего неограниченнаго. Мы тамъ
 глубоко проникли въ полноту дѣла
 творца, что можеть съ уверенностію
 предугадать даже то, что намъ
 сдѣлать въ будущей жизни. Истина
 и справедливость вездѣ одна и
 единообразна, за свою краткую жизнь,
 можеть, если захочеть, много
 знать, что ему нужно сдѣлать,
 что онъ спастись. Но виднѣе, какъ
 во всемъ тѣмъ разсужденіяхъ
 проявляется та центроцентри-
 стическая сила, о которой намъ
 уже приходилось говорить. Тело-
 бить хотѣтъ не подражать въ Богу,

он хочет принудить
и заставить Бога спуститься
к себе, стать таким, какими
Бог представляется нашему сла-
бому и ограниченному уму. Боги
нарушают расхожую пошлую
буржуазную существовавшую
ограничиваясь отъ всего нового
и неизвестного. Того только су-
ществу не требуют — лучше
будем сами требовать: мы уже
знаем, что хорошо, что дурно,
мы уже знаем, какой должна
быть последняя истина. Не
удивительно, что поэт-и Дюрер
Скотта и Вина поворачивают
спинну к рационалистической,
теологической базисам и производя-
ют в нас возмущение против себя
такою резкою реакцией. Бог, как
ничто, даос — *horribile dictu* —
нашим разумом не ограничен-
ная свобода — развить может
человеческую иерархию и утонченность

так думать? Нормальные те-
соги и нормальная философия без
колебаний признают, что тут
дело нечисто. Не может быть
говорящих ои, чтобы кто-нибудь
в мире кто-либо, и только божество
Всесовершенство, вступило в про-
тиборство с нашим разумом
и с ^{ей} нашими советами. А так
быть мы вправе утверждать:

Все, что не мирится с живу-
щими в нас идеалами истины
и добра, относится к области
ирреального, несущего вину, а
и мы, люди и наши творцы
равно обязаны признать
известные нормы. Конечно, раз
такое такое видение имеет волю-
да, раз они так глубоко
верят в единственность
выработанных или идеаль-
ных систем, как система
Фунга Снота и Оккома возбуж-
дают в них живейшее не-
добавление. Им кажется, что им

работѣ, что ^{показанъ на} ~~у насъ~~ ^{отъ насъ} ~~отъ насъ~~
 иль лучше говорить. Faciente
 quod in se est Deus non infalli-
 biter dat gratiam - не ^{вспомни} ~~помни~~
 Богу отъ насъ въ благодати
 своей мнѣ, итъ сгнать все, что
 было въ его силѣ, и говорить оред
 невольной теологической, почти бж
 воу по повторенію слова въ романе.
 А Охана и мнѣ: „ex praeis na-
 turalibus nemo possit mereri
 vitam aeternam nec etiam ex
 quibuscunque donis collatis a
 deo nisi quia Deus contingenter
 et libere et misericorditer ordi-
 navit, quod habens talia dona
 possit mereri vitam aeternam,
 ut deus nullam rem possit ne-
 cessitari ad conferendum cuicunque
 vitam aeternam. Мнѣ итъ въ сгн
 етъ итъ итъ Охана, Охана: ни-
 конъ способомъ, т.е. никакимъ
 нравственнымъ подвигомъ или
 бж не можетъ принудить

Бог дати ему вечную жизнь.

Бог спасает кого он хочет
и окажет больше доброты сво-
бодной, ничем не связанной
богом, чем биогенез
разсуждениями самого правед-
ного человека, будь он Сократом
или Демокритом. Понятию
что Окажет является для тео-
логии и философии, которое может
быть „поучением“ infant terrible.

И потому почти, что оно и
католики ^{исповедуются} и веруют пропе-
таменту, а протестанты ко-
толикамент. Им Окажету (Бог ману)
не доведется

т Вера и т. и другие и т. д.,
вбираясь словами Гарнака
Бога, на которого „можно поло-
житься“ — а как положиться
на Бога, если, по словам Окама

он не считается с нашими
инстинктами и понятиями о
справедливости — может отвергнуть
того, кто всю жизнь старался
угодить ему и принять того,
кто о нем никогда не думает?

Но Оккам не достаточно ^{потому doctor subtilissimus}
обязано утверждению. Он карбун-
т до поставил себе ^{и обещивание}
своей жизни растворять ^{и обещивание}
быть, как и не по ^{и обещивание}
усилии ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание}
на ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание}
притязания ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание}
и ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание}
Вопреки ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание}
лической ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание}
на ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание}
в ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание}
test demonstrative probari, quod
tantum est unus deus. Умоз:
Non potest naturaliter demonstra-
ri, quod voluntas non potest
satiari nec quietari in aliquo
citra Deum. И наконец: non
potest probari sufficienter, quod
Deus sit causa finalis. Оккам
не говорит ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание} ^{и обещивание}
„concedit nec reputat inconve-
nient, quin voluntas creata possit

D.-W.K., 304

Demigle
Weiss

5

meritorie Deum odire, quia Deus
possit illud praecipere. И, если
нужна еще Богуе вассаловъ, онъ
формулировалъ, иносказанъ все это
много же своимъ паеначенъ еванге-
лиан на мочемъ прѣвсѣмъ естѣ-
ственъ изъясненъ: Deus potest praece-
pere rationali creature, quod habeat
ipsum odio, et ipsa obediens plus
meretur, quam si ipsum diligeret,
quondam hoc faceret cum magis
conatu et magis contra propriam
inclinationem. Веро въ изъясне-
нѣ, каро на погубо, словно пред-
назначена въ тому, что въ отъи-
и людей въренности и надежды на-
то, что на „Бого можно помо-
тѣтъ все т.е. что на мочемъ
угодитъ, въ чему направитъ
насъ вассалъ вонимъ пропикнутъ
въ тѣмъ же помолъ творца.
въ прѣзлой, да же грубой насил-
ной отъбрасъ все попытки
теологовъ въяснитъ тоину вон-
моченъ. „est articulus fidei,
quod Deus assumpsit naturam

quondam
17 / 112 / 112

Scholaristik

W. II, 356
сцен

Werner?

Werner

1 112
Apⁿ 179 +

humanam. Non incendit contra-
dictionem, Deum assumere natu-
ram asiniam; pari ratione potest
assumere lapidem vel lignum.

(Werner II, 356)

И по поводу Во видима, как
ясно видно видно от Ан-
селена Кентерберийского и далее
от Григория Великого.¹⁾ Григорий
великий тоже считал, что он
знает, что руковоулся Бог,
послав на землю сына своего,

слова
1) хар. вл. : Werner, Pl. von H. III, 120 стр.

Когда Адамь согрешил, говорит
великий папа, Бог проклял чело-
вѣка и отдалъ его во власть
сатаны. Съ тѣхъ поръ деновѣки
перестали принадлежать Богу,
и стали собою вселенною грѣшны.
Потому Богу стало мало людей,
по тѣмъ же и у сатаны оныхъ
мало - ^{Бог} однажды и вразъ нарушилъ
свое слово даже предъ грѣшными
и потому Богъ придумалъ такое
средство: онъ послалъ своего сына
на землю въ образъ раба

Сатана, погубивший ослепших
 и слепых не возмездить Бога, как
 не возмездитъ раба погубившаго
 крича, набросился на Христа
 и преданъ въ позорной смерти.

Итакъ Сатана превалилъ свое
 право: онъ могъ убивать людей,
 но не вправу былъ убивать Бога.

поймавъ на эту удочку хитраго
 дьявола

Такимъ образомъ Богъ, освобо-
 дившись и отъ даннаго имъ об-
 изанія и могъ вернуть себѣ не-

когда оторвавшись отъ него
 котомковъ Адама. Вотъ какъ

объясняетъ Григорій Великій
 тайну воплощенія. И такая

объясненіе его удовлетворило:

вероятно онъ считалъ свое
 "объясненіе" гораздо болѣе, разум-
 нымъ, чѣмъ то, которое заклю-

чается въ равномъ приведеніи

словъ Тертуліана. Даже и

только онъ самъ, но и Грегори

долженъ былъ ^{бы} признать, что,

накъ не неприменимо для него

объявляю Григорий Валиков —

В немъ есть все тани дотъ

Из которых пролиски разные. дава

Больше того — с учетом доверитель-
ног^{ых} отношений оно безупрочно и неопи-
сательно.

Одъ снѣга не мерзнула

востъ и юго-востъ въ безмятежн.

много возмущения, и мороси

во принятъ совершенную измѣ-

воистинствѣ, безпророчно и вѣчно —

Копировано
Ханузов. Писане Бою Ара-

а на ночь пошлю, не знаю,

куда идет. И, вот, какъ у

тертунорана, таис и у бнхана.

Видъ презираетъ свой разумъ,

онъ чувствуетъ, что, если изъ него

~~Этот~~ есть то, что ему нужно,

мѣ въ мѣсто мѣсто, и т.д.

из каких из его может привести

разумъ. Онъ ищетъ откровения

не в разчетъ, что откровени

дасть силу не то, что и есть,

почто падаетъ разумъ. Ванат-

риваясь въ догматы церковнаго

оуче убождается, что они не

справятся съ его разумными

отрицаниями. *Nulla ratione*

naturali potest probari, esse penes

personas in divinis; sed quod

sunt penes personas, quoniam

una est Pater et alia Filius et

quod Filius vere generatus a

Patre, est sola fide tenendum

Я думаю сказать оъ дѣлѣ

Снотъ и Окланъ для насъ бу-

детъ достаточнымъ нашимъ

утомленію. Намъ только не слѣдуетъ

думать, что идея божества свѣ-

тъся, что мы совершенно не знаемъ,

бывшее зародившимся въ соф-

ной головѣ и чуждаясь всему исто-

рическому развитію. Не дороти

уже въ первое вѣка критіанства

тупотѣліи и тѣмъ въ своемъ

объясненіи рожденія, смерти и воскре-

Wernh II 35

но его это не смущаетъ и не пугаетъ.

Или, можетъ быть и пугаетъ и

смущаетъ — но онъ ищетъ свои

исмущеніе не въ всего существованія истинѣ

нововатъ. какъ возраженіе противъ

откровенной истинѣ. Какъ бы ни были

она страшна по своему ограниченному

и уму — се надо признать. Наша задача

не противитъ Божественное воз-

раженіе, а наоборотъ присутствіе, еще

ниже на земле, въ жизни обитав-

нннн, то мы мало покоемъ на

нашу тѣперешнюю, что, дѣлѣ мнѣ

дѣлѣ, на нашу жизнь эти скоры

полюба не на жизнь, а смерть. И,

главной посылкой въ этомъ дѣлѣ

является уверенность разума

въ своей непогрѣшимости, въ своей

всеобщности. Соответствіе вели-

кому въ силѣ нашей должна дѣлѣ

направленіе не на оправданіе на-

шего вѣра, а на подкрѣпленіе тѣмъ

основаній, которыми это зна-

1271 $\delta\eta\rho\ \eta\alpha\rho\alpha\ \delta\eta\rho\omega\nu\iota\delta\varsigma\ \delta\eta\rho-$
 $\rho\omega\iota\varsigma\ \delta\eta\rho\theta\varsigma\acute{o}\eta\lambda\omega\varsigma$). Это можно

написать, что можно сказать —

по едва-ли кто ничего промисли

утверждает, что то, что кроется

под ^{одн} приведенными словами (я думаю

не знаю, знает или перевода или

русский язык!) поистине ^{находится} ~~там~~

хоть в какой-нибудь связи с на-

шим разумным знанием. Если

это — свет, то это $\mu\epsilon\tau\alpha\ \epsilon\upsilon\lambda$

$\iota\eta\alpha\sigma\sigma\epsilon\sigma\iota\beta\iota\lambda\iota$, quem nullus homi-

nium vidit necque videre potest etc.

если брать метафору — то это

именно та тема, та $\mu\epsilon\lambda$

μυστικα, которой обновленная

философия, как и ее корреспондент, ^{котора каталогизирует}

боится больше всего на свете

и которой она пользуется как

последним и необходимым

возражением. Этой темой

скрытой Божественности ^{Гар-}

как писавший на него пона-

даться казался и что он потому

должен был отвергнуть и

точно тот же Дионисий

Азропатитъ утверждаетъ $\tau\omega$
 $\chi\eta\delta\epsilon\iota\varsigma$ $\varsigma\iota\gamma\rho\omega\beta\eta\epsilon\iota\varsigma$ $\nu^{\epsilon}\eta\epsilon\rho$ $\rho\omicron\upsilon\tau\iota$
 $\varsigma\iota\gamma\rho\omega\beta\eta\epsilon\iota\varsigma$. Иными словами,
произучи, какъ бы разъ, какъ ему
придетъ охота руководить чело-
вѣкомъ въ его послѣднюю минуть,
ублажить ... помысли и только
помысли. Нужно забыть все, что
знаешь, нужно забыть, что вообще
можешь думать иначе, если ты
хочешь вступить на путь, кото-
рый ведетъ къ Богу. $\Delta\iota\alpha$ $\tau\alpha$
 $\delta\omicron\sigma\tau\alpha$ $\iota\gamma\nu\omicron\chi\alpha\iota\tau\iota\alpha$, которую вос-
полнъ во свое время Никодимъ
Кузанскій. $U\eta$ $rebus$ $divinis$ $scire$
 est $scire$, nos $\iota\gamma\nu\omicron\chi\alpha\iota\tau\iota$. Не нужно
только, конечно, считать себя тѣмъ
ученымъ, незнающимъ $\iota\gamma\nu\omicron\chi\alpha\iota\tau\iota$
или $\iota\gamma\nu\omicron\chi\alpha\iota\tau\iota$ современной фи-
лософией. При всемъ вѣтхости
слова, вводящее много въ понят-
ны заблуждений - формула $\Delta\iota\omicron\chi\alpha\iota\tau\iota$
Азропатита и Никодима Кузанскаго

свободной стороны - и формы, и жизни

Большим покоящим дружбу на дружбу,
только день и ночь. Угнетаются

Душа Родина - обозначается

Ночью, црбѣхъ ѿрѣзѣхъ - "глаз"

у Азропатита - начало. Тогда

самое трудно сказать и от Ока -

лет. Это Ока, как и говорит Вернер, сн. (Werner II 319.)

и своими речитативными атрибутами

связи между правительственной властью

и сообразно сущности ее наказаниям

как поощрением доверия до самого крайнего приращивания

о службой почти правительственного порядка,

основанная на абсолютной Божественности

кой воле (т.е. произволу), закон

которой - за исключением заповедей

отом, что Бога трудно любить

Большая же - не знают совсем (Werner II 319)

внутренней необходимости. А

вот, как на полинии сущ

у греков самая возможность

знания обуславливалась сущест-

вением той внутренней необходи-

мости, определяющей собой сущ-

ности и связь разрозненных явлений

и связь разрозненных явлений

и связь разрозненных явлений

Апока 1) потому Вернер допускает то
исключенный - лишь не совсем понятен.
на полинии, что великий грехов,
что, если бы Бог заповедей испи-
сидует это, то что бы из него
непонятно заповедей дасть да пра-
вде, что бы то бы, что бы, вопреки
и предостерегает любить Бога да
не все.

попону викалу и тистикану,
Анселм Кејтерберійскі убоинч
або имену туу греческуу точнуу ртнїю.
Протестантїа права, когдо говорять
оу еленизації католїчества. Гре-
тскїи дучи, получивши найбільше
совершенное вразненїе ^{философїи} а ~~ученїя~~
Аристотеля, дучи $\chi\epsilon\rho\iota\sigma\tau\epsilon\varsigma$ $\epsilon\iota\varsigma$ $\epsilon\pi\alpha\rho-$
 $\chi\epsilon\iota\rho\eta$ наложилъ свою властную
руку на все движенїе европейской
мисли. Но, оцївно заблуждаются
протестантїи, полагая, что они са-
ми изволили еленизацией, что они
попятили возвратити до гнїтїи
їудеизму, хань оцї вразненїа въ Рет-
конїи и новомъ зовѣ тїи, всамоу
дїяльнїи приводятъ къ нїи въ снїи
вїбуду серїознїи результати
въ области религїознїи и снїи.
Вкраїна пугають равно и протес-
тантїи и католїковъ. Послѣ-
нїа апостолїа Павла одуханово
непрїемлемїа и дїи дразнїи Ротер-
фортскїи и дїи совершеннїи

$\mu\epsilon\tau\sigma\iota\varsigma$ $\epsilon\iota\varsigma$
 $\epsilon\pi\epsilon\rho\chi\epsilon\iota$
минимално
умеренно до
преувеличенїа

fait

Комментарии к автору Лютеровой de
servo arbitrio. ¹⁾ Соответствие тому-
му и вхождению в его философию,
направленной опровергнуть пантеон-
ический аргумент отсюда предположение теологиче-
ских исканий равно возбужда-
ют одинаковое настроение у
Горлаха и у Вернера, или у
таких католиков, как Вендере
и Вейер. Вотъ этотъ разсужда-
етъ Горлахо: „исторический посыл — ~~III, 646~~
ствий. Охлаждение утратило, что
мощнее человека никогда не
возманилось на долго принимать
религию, основанную единственно
на откровении и угрозахъ все-
мощи, которые откровение связало
со общимъ мирозерцаниемъ. От
Оскара оно ^{либо возбраняется} переходитъ ограниче-
но. Воинъ движимому либо идетъ
впередъ къ социализму. Но развѣ
невозможно, что въ исторіи религии
она ^{была} излученіемъ мысли и утратила,
которую до сихъ поръ оказывали
идеалистическія мировоззрѣнія
Платона, Августина и Боэція?

10
"Albert Ritschl, рогоносатель и
современный либеральный протестан-
ский теологъ отозвался объ этомъ
сочинении Лютера, какъ о „englisch-
isches Machwerk".

38

социализму
ин

socialismus
социализму

Кенни думал, что это неслучайно
Гарпуну казалось, что это должно
совершенно изложить в конце
конца переживания и, так или
иначе, можно будет вернуться
к Богу. Акваскопу, по Кра-
йнему и упрямому сообра-
жению, требовалось. И
я думаю, что я не преувеличу,
если скажу, что возвращение Гар-
пуна против Оскана и против
того же источника, что и воз-
вращение Вернера. Вернер по старин-
ному говорит, что „ошибка“

(Die Scholastik des spätesten Michelbachs)
II, 320
W. II, 320

Оскана в „совершенном отчуждении“
идеального мировоззрения „Мен-
ше правтвеномъ порядку, несущ-
ему во себѣ самомъ свой законъ,
ему чужда, и въ все обобщается
божественныи утѣшительскими
законами... Иначе могу сказать,
которому внутреннее содержание
казалось недоступнымъ разуму
и нечаянно, что такое думать

иваче? Для него черновое учение
 о спасении, почитаемое им ^{свои} на ~~свободу~~
 манеру, вполнѣ заимствованное мета-
 физику нравственной природы,
 оно было единственной и незыб-
 лительной опорой его морального
 мышления. "Я начинаю, какъ сказано,
 что Вернеръ гораздо лучше вра-
 ждѣтъ своимъ мыслямъ Гарнака (и
 своимъ, конечно), чѣмъ самъ Гарнакъ.
 Оба они считаютъ за основную
 пороку "мышления" Отказа отъ от-
 стѣпѣ того, что имъ обилие волюн-
 таризма блестяще въ Богу.
 Богу знача, а Отказъ не знача
 метафизику нравственной по-
 рядка. Это значитъ - думать,
 что посылъ Виссариона нико-
 нскихъ повелѣній отъ ману-
 скрипты требуется - Богу Богу
 допустить у Бога произволъ
 и подчинять его контролю Арх-
 иепископальскихъ приписокъ, Отказъ
 же Богу произвола Архидиаконъ
 и мнѣ - полагать Бога и ерети-
 ки и еретиковъ, но не безъ зна-
 чимыхъ лишь каноническихъ торжествъ

новотрочу полной неувзвешанности

Кто из нас более прав? ^{тот} или
или можно найти Бога или
тогда, когда согласившись поворот
сь обогнать скупых и жадных
тот наш мир, разумный и
разум ^{то} побуждает нас
отдаленные до предположений

страсти вояжи? Концы первой части

XVIII

Часть вторая
Бог mystica

Мы ^а хотим сейчас познакомиться
с бреш средневековья и обратим
к современности, прелесть всего
того, что бы читатель почувствовал,
как близки нам на первой взгляд
устаревшие и отвлеченные тревоги
давно умерших схоластиков. О
жизни Дома Аквиская мы мало
знаем и почти ничего не знаем
о Дуэте Скотта и вконец. Пред нами
только иль книги, написанные из желания
условных философско-теологических
авторов - кто поручится, что мы правильно
расшифровали их? Взаимности

Дома Аквиская и математическое
^{и логическое} прояснение передать всю полную
potestatis clavium Аристотелем
или Оккам Оккам, бесстрашно
отдавши всю свою душу творцу,
иными словами

первая продолжение

48; 8: I-2

эта часть входит в
книгу "на Весах Иова"
стр 94-143
на страницах (10-11)

Вопросы (a) (b) (c) (d)

~~при раскрое рапеломь недоброты~~

И кто поверитъ, что скажутки не
перебивали изъ пучка въ корткее
и дабы себѣ трудъ внимательно прослѣ-
дить за походом или напряженным
смысломъ мнѣній? Путь-же, по всей
вероятности, недоброты и недру-
~~бачиво отъ нестесня читателя~~ худого
и испривлеченъ для насъ. Нужно добить
мертвой и живой воды, чтобы обсе-
нить и вернуть снова къ существова-
нью тѣ обрывки и обломки стари-
ны, которая случайно сохранила для
насъ исторію. И это можно сделать,
по моему, только однимъ способомъ -
связавши прошлое съ настоящимъ,
проходящимъ или недавно прошед-
шимъ предъ нашими глазами.
Нашъ это не странное, но непосред-
ственно наше существование и переде-
лать его (о которомъ пойдетъ речь
въ ближайшемъ изданіи) и переде-
лать въ Толстому, какъ бы онъ
обнаружилъ въ своемъ поспѣхѣ
произведеніи. И - это же читателю
было легче ориентироваться въ даль-
нейшемъ изложеніи - а спустя время,
что въ послѣдній періодъ своей
творчества, Толстой все время

На В. Т. 95

(d)

не уметь читать и уму, пости-
 гнуть закончательность, в ней великие
 тайны. По моему, не одних только
 всего замечательна и самая вре-
 мени, терпели и прочитали черпая
 в книгу книгу свое содержание.
 И всего мн, итак алогическое современное
 да еще и в том современном творчестве,
 постигаешь через третьи руки то,
 что дали миру пророки и апостолы.
 Но не посредственно и тогда же
 потеряли ^{зрелище} и не мо-
 жат уже не уметь ~~подражать~~
 жать без проводников отослать
 его.

ВУ стр 95

Итак, среди ~~потерянных~~ произведе-
 ний Моисея, не большой, неокончен-
 ный рассказ под названием
 "Записки сумасшедшего". Содержание
 на первой ^{взгляду} ~~просто~~ и простое:
 богатый помещик, прославившись, что
 в пензенской губернии, очень выгодно
 продавал книги, решил осматривать
 его. Пошел, производя в уль похмелья
 о том, как удастал почти задрема
 приобрести ланкой кусок. И, вот
 совершенно противно, ~~среди~~

содержания стихов, ни одна мистическая
 провидения не ухватит за них ухватясь.
 У меня есть свой откровения, ~~не иже~~
~~написаны~~ свои. В них, и рассказывают нам
 последний провидения Моисея. Это такое
 счастие. Но у меня древние ^(полагая) - а не
 есть откровения души от него. Но не
 древние ~~откровения~~ откровения
 смерти. Смерть есть такая же действитель-
 ность, как и жизнь. И у нас есть свои ^{свои откровения}
 и, свои откровения, свои возможности и свои
 возможности. В откровениях смерти
 и рассказывают нам последний провиде-
 ния Моисея. Они не мистические

ВУ стр 94

Вместо того что говорить, что у Авраа-
 мовича собственный мир, у нас же бодр-
 ственно и ожить общий мир. Это - основа
 не - основа и только Авраамовича, и
 и всей как до него, так и после него суще-
 ствавший ^{научной, философ.} философ. Оно же принадлежит
 и обобщенные ^{как непрерывная линия} зрелище
 и ^{и является в высшей мере} ~~потом~~ от него ~~отражением~~
~~не~~ ~~равно~~ Моисей не только от-
 казывается от него? Отказываясь от ^{самостоятельной жизни} ~~от~~ ^{такой} ~~от~~
 и все таки Моисей знает, никто от
 него и требовать этого не должен. Дей-
 ствительно не живет - это (самостоятель-
 ная жизнь, на которой строится и
 положительная наука и далее пропитанная
 крайними мистическими ^{католическая} ~~вера~~. Но действитель-
 ность не ступает ни с наукой, ни

без всякой видимой, видимой при-
чины, или обуславливает страхи,
невыносимое тоска. Все окружающее в окружении произвола тех, которые
отпало или или
это было тоже же, как было и
принде. Но принде все видного дол-
же, все казалось естественным, за-
конным, ^{упорядоченным} пуняким, дающим покой
и даже радость. Не было ни сомне-
ний, ни вопросов — были одни отба-
ты. Теперь же, ^{всепанно} вдруг, во одно
мгновение ² ¹ почти ~~очевидно~~
произошло ^{что то происшедшее} ~~необходимая внутренняя~~
~~метаморфоза~~. Отбыв, покой, и
радость, сознание своей правоты —
было ^{сразу} ~~внезапно~~ исчезло. Остались
одни вопросы — с кем выжили
спутниками, ^{тревогой} ~~полнотой~~ ~~ми~~, ~~пути~~
~~и~~ и плывущие, безмолвные,
но не переставая страдать. Благ-
ные средства, которыми люди отси-
живают от себя неприятные мысли
и настроения, были все пущены

в пог, но оказались ^{исходными} ~~бессмысленными~~.

и я продолжал думать о том,
что занимало меня: о покупке,
о семье. Ничего не только вела
не было, но все это стало жить.

Все заставляло утася за свою по-
мощную жизнь. Надо заснуть.

Я был доволен, но только эти мысли,
бегущие вихрем от утася. И

тоска, тоска - такая же (~~физическая~~)

тоска, такая же добавляет передо

рвотой, только душевная. Ничего,

страшно. Хотелось, что смерти

страшно, а вполнине, подумаешь

о жизни, то умирающей жизни

страшно. Как же ты живешь и

смерть обвалишь в одну. Это же

раздирает мою душу на части

и не могу разогнать. Еще раз

попытайся посмотреть на себя так,

еще раз попытайся заснуть;

BI ар 25.81

все тот же ужас - красный, белый,
и багряный. Рвется что-то и и
"разрывается". Мучительно, и му-
чительно сухо, и злобно, и капри-
зозно. И в себе не чувствую,
а только робкую. Когда из телови-
комъ происходит такое внезапное
превращение - и ^{оно} ^{самому} ^{мне} ^и ^{только}
окутанная ^{его} ^{низь}, которая ^{она}
повисает в тайну своих востро-
нхъ ужасовъ, прежде всего приходит
въ голову мысль о Богице. Все это - Известно
что, что меня сама и созрела для -
и что, стало быть, или чуждость или
облагодетельство ^{противу} ^{такого} ^{существа} -
или и опекать меня, но ^{его} ^{организма}
не въ порядке и чуждо ^{огражден}
по врагу. Не дойти, не свойственна
комиче боится, или для боится и что
никаких оснований. Вера же была
все благополучно - откуда сегодня
принимать ^{та} ^{безумная} ^{тревога?}

[illegible]

16
 Что произошло в Москве? Как ознакоми-
 тся „Белорусские“ страны? ~~Ано~~ В „общем и
 всем мире“ есть и не любовь себе и себе
 без прилива. ~~Ано~~ Плате произошло в Плате
 с тем началом и были „общая вся на мире“

Всё
 и поди из догматизма прерогатив „всего и
 „цели“.

Якобы я не осправившийся ни
весь мир великий писатель — по
судебной молнии была бы скоро
меня: он был бы извергнут из
общества, как в высшей степени
опасной для отомыслив людей по-
топический субъект. Теперь же
обстояти ~~не иначе~~ иначе: „Сегодня
возили меня, разглашавшие Молотов, свидетели суждают
в губернное правление, и многие
раздумывали. Они спорили и ржи-
ли, что я не сумасшедший. Но они
решили так потому, что я воним
силами держался во время свидан-
ия, что не восназали. И не восназали, потому что боясь
сумасшедшего дома, боясь, что там
они не признают, что я не сумасшедший. Они признали
меня подтверждением ареста там
и еще то-то такое, но без уважения
уми. Они признали, но я же знаю,

что и сумасшедший. " & Ксенофонт, VI ар 96

17

что не они правы, а кровь она.

Быть разслазавшим, что припадки,

в роду том, который а ничь при-

ахотился во время похоронки во не-

всплыву иудей, хотя родки, но и

привиде бовали. У нас в ранном

фототвот, по самым незнач-

тскаланы похоронки, и что вдруг

обладывало чуждым ужаса, бурно

и властно ожившее чувство заложи-

ной рожденья дитя и покаян-

иствования. Лепить оны в кровань,

силу сподоб, тепло, уютно, жарко,

оны думают о том, как же когда

короче и как все дурно, дурно

любят. Вурчье оны слышат,

как злополуча от ильевой обла-

кается. Космическим судитоми со-

воим - и все очарованье, или он

по заклинанию этого волшебника, ^{пропаганды} ~~пропаганды~~

исчезает. " Милы так и витает и

Болон, и страшно, и непонятно, и

и ужал, пологий ужал пахотит
на мени, и я прячусь со головой под
одеяло". Другой раз он вилки-
каст, как при нем были малю-
шки. И тут же на меня напало.

Я стал рожать, рожать и рои-
никти не могу меня успокоить. Вот
ты те рожай и боги первыми при-
пущили моего сына. "Третий
раз на него, "какого", когда ему
тебя разговаривали отныне, как
мужали Христа. Он стал го-
товаться за что он играли -
тебя не уминая отбросить.

"А не можешь унять каково. Я
рожал, рожать, рожать и рои-
битесь головой отбросить". Но орудия

Христом - все ~~было~~ ~~использованный~~ люди
бавили свирепыми сора между

близкими сущностями, были при-
и при ~~близких~~
дилось бегать припора всемогущи

отрощенный во дитя, все читали
сидели
и ~~были~~ ~~разговаривали~~ о муках

и страсти его. Истина. Но ни ^{в конце} ~~у него~~

никто не рассказывает о "положении вещей",
о будущем радужного поколения и о его судьбе

из детства наблюдателя таких реакций

на видящиеся и слышимые. Непонятно —

и забывают, впечатлений сами

своих постигнуть и исчезнуть в нас — растворить

себя в них впечатлений. В утон-

ности, после словения, произошли

почти то же. Но и у него были

впечатлений закончили то, что

тогда они рассказали и у нас

не должно держаться восторженности

дети. Но забота ему не была

дан. Как бороться, (они) прочно воле-

ли это то в невидимой глубине,

словно отидом только отсюда, чтобы

были властью представителю свои

права. ^{Сперва} Забота и Возвращение к не-

мощи, ^{потом} (забота о себе и отвлечен-

ности и заботились о нем

заботы, а многие даже просто не

видят. Они инстинктивно, бо-

ятся сгущением "дома" на

доброустроен, иногда ба не согла-
сились поверить, тому, что расска-
зывает о себе Толстой. Он сам
ба, если бы он кто либо за 100 или
даже за 10 тысяч, за день до нача-
ла его, "сумасшедшей" предпринимал
ему его жизнь такой, какой она изоб-
ражена в ^{этих} записках, пожалуй
возмущились бы попыткой запя-
тать его доброе имя. Он не по-
тешит приобщения и имени за на-
стоящую цену. Он ищет, такого
дурака, - это его собственная слова -
который ба продать и свое за
безценок - так чтобы, продавши
его, можно было ба выручить
сто тысяч денег, сколько будет за
имени у него - и что бы имени
оказались дороже. И такой дурак
рано или поздно подвернется -
ка лодка и зверо божий. Толстой
терпеливо выжидает случая: из-
ясть объявления, собирать справки.
Или, если не ба не пожелать

Очевидно, что он завелся свободным и он
хотел приобрести именов - но тогда ба
его настраивают

т.е. так что и имя ба продать т.е. что
можно использовать так или иначе для
пути на свою денежную сумму

дурака, готового за даром отдать
миллины, Милитой оторвется и
мученикам. Купить такие ильи
в таком грозе, в котором
мучники все безмолвие: тогда она
будет так «задаром» работать
на него. Обо всем этом подробно
и обстоятельно рассказывает
в «Записках сумасшедших»

в 1884 году. Это очень интересно
не только тем, что в этом
легко можно убедиться, против
письма Милитой к этому

(№ 63)¹⁾, где приводятся эти
слова: «третьего дня в ночь я
почивал в арестантском
большом помещении. Было

звезда ночи, на меня падала тоска,
страх, ужас, такие, какими я
никогда не испытывал. Подробности
этого чувства я тогда не
подметил, но подробно мучитель-
ным чувством и никогда не испытывал,

и что на самом деле в тюрьме,
в котором так и идет
видеть самого Милитого -

письма с тюрьмы в Пензенскую
уб. для осмотра ильи, которые
Л. Н. предполагал купить и
купить.

и никому не дай Бога испытать.

Я вскочить, встать, зализывать.

Почае закладывали я заснул и

проснулся здоровым. Вчера же

чувство во сто раз меньше стесни

возвратилось во время изжога, но и

было приготовлено и не поддался

ему, лишь боюсь, что оно было сла-

бее. Как же чувствую себя здоровым

и встать, несколько могу быть без

сомни. Во эту поездку и во первый

раз почувствовал, до какой степени

я росаю и тобою и с гротом.

Я могу отговорить огуль во пос-

точкаль Записки, как и бывало

во Москве, но как только все

грозит, и рожу ителю чувствую, что

не могу быть огуль. ^и Выводит,

что все, даже малый пугробити.

Лесовла совпадают с данными, ни

которых нетрениа „ Записки ружас-

могало. И покупки иллий, и поризжа,

и Лизинский зуб. и гурода Арзатал

и музительной неслосилии страве.

Сопоставать во том, что грейтвую

ка BI 97 98

мое лицо, З. С. " есть само Толстой
 может только тот, кто убои-
 ленно хочет много не выучит
 и не знает, или по крайней мере
 считает пытливые дерзать свое
 знание про себя. В Толстом, как
 поучить и интересоваться только его
 великий идеи и благородные пороки -
 все же отвлеченная игра не касается.
 Там, где в то же время думать много
 не. Во литературе существует
 даже прочно установленная обстановка -
 значимый показание конца
 показывать читателям ~~лишь~~ ~~то~~
~~сторону~~ или жизни великих людей,
~~которую можно~~ Все "глубокое" содержание
 тщательно образом " ~~или~~ ^{высказываясь}
 рует " из Библии. Там ^{составили} ~~пишут~~
 свое жизнеописание Достоевского
 Н. Н. Рогов - об этом он с собою
 признается Толстому, как видел
 много писем, опубликованных "С. Д."
 в Октябрьской Книжке 1913.
 "Все время писания, раскрывает

Страны, а города и пограничные —
 с волею отбрасывая, стараются
 подавить в себе эти дурные чувства.
 Пособите мне найти отъезд
 благо. Я не могу считать достижением
 своего ни скоротечности, ни кратковременности
 человеческого. Внѣ Галъ зовѣ, забыли бы,
 развращенны, онъ всю жизнь провелъ
 въ тюрьмахъ, которыхъ угнали
 бѣ его таланты и таланты,
 если бы онъ не былъ при этомъ такъ
 зовѣ и такъ уменъ. Посудите о погрѣ-
 шкѣ и живо вспомните эти чувства.

Въ Швейцаріи, при этомъ, онъ такъ
 покаялся своимъ, что тотъ об-
 щался и разговаривалъ ему: „я въ то время
 человекъ.“ Помню, какъ это тогда все
 было такъ поразительно, что это было
 сказано проповѣднику гуманности,
 и что тутъ отъозвались понятия
 болѣе Швейцаріи о правахъ человека.

Такой сценѣ были съ нимъ безпре-
 ждно, п.ч. онъ не могъ удержаться

BI 47 99

своей злости. Из много раз молчали
на его входы, которые он очень
совершенно по бобы, неограни
и непрямо, но и много случаев
где сказано ему очень обидно
вещи. Но, разумеется он вообще
и много перевел на обиды
ми люди, и всего хуже, что он
этими успевает, что он ни
когда не начал до конца во всем
своих пакостей. Это точно не
Костя и он хвалился ими. Вис-
коватова (проф. Горьковского универси-
тета) стал только рассказывать,
как он появился, что... в ба-
ны от маленькой девочкой, кото-
рую привела ему губернаторка. Ли-
ца, побольше по его порокам -
этот герой "Запис. из подполья", Ви-
гудайлов и Ставрогин. Вспом-
нелу из Ставрогина (растительности
хр) Катков и Заломинская -
мать, но Достоевский! Титов а

1) Это сообщение проф. Висковатова
в Висковатова по поводу переписки Стр.
и м. Опычено - но в раскаты он было
целиком прибережен.

HI apr 99

Висковатова

апокалипсис. При такой натуре он
 был расположен по своей со-
 мнительности, по восточным и
 инстинктивным инстинктам, и эти
 инстинкты — его направление, его
 литературная музыка и гармония.

Во всем этом, впрочем, есть его роман-
 тизм составляет самооправдание,
 доказательство, что во всем этом ин-
 стинкты у него от благородства
 всякой личности. Вот мое мнение
 комментарию к моему Географу;
 а бы мне записать и эту сторону
 от Достоевского; много случаев ри-
 сунков и много горького житейского, что
 то, что много написано и прощано
 боюсь бы правды; но, пусть эта
 правда погибнет; будем же помнить
 одну, личную сторону жизни,
 как на эти углы всегда и во
 всем ...

Не знаю, много ли найдется в этом
 романе, по своей чуждости равная
 при всенепомыслии писателя Странова.

Не знаю даже, понимали ли Стран-
цова хотя отдаленно, смысл зна-
чения того, что он размышлял
в том же писании Толстого. Вна-
чальные годы жизни почти приходящее
смысл от разноречия писателей,
что было вполне истинно. Но когда
оно только говорило вслух Гайдар,
первая из этих тем распростре-
налась и в том же Далеке Пушкина,
выучился воскликнуть: тебе не дано
истинных путей жизни и ты возмани-
ваешь обман. Но в неприятии
той противности Странова есть нечто
правда ~~так~~ зловещее. Не может
быть, что от Странова понимали, что
он писал, не может быть, что
и те из современников Бюргера и
Кришкова Достоевских, которые
причину, Странова продолжали, и
заведенной традицией, и с другой
стороны жизни и "губит
правду" понимали, что они делают.
Им невольно кажется, что

Но они ведь обращались к языку, по-
чти. А Странова почти и как бы не
и тем придает его словам особую силу
и барьерности. И потому, они крошеч-
но обращались в печать и в то же время, которые
каждый в том же периоде особенно
чувствовали, что это условие и
но не при этом или или и
гачи так. Вспомните, что
все было обманом бабкой и с другой
они по слову Достоевского

В. Г. 99

таким именно и нужно поступать,

что своим систематическим обли-

ком они даже спасают ^{судят} человечество, ^{даже спасают}

Они впереди знают, что и правда

какая правда познана, какая верна

может только повредить людям

и потому ее нужно скрывать - и от

других и от себя. Я не преувеличи-

ваю, говоря, "и от себя". Ибо тот, кто

обманывает других, пригасит обман-

ывать и себя. Когда Страхов

успел и увидит своими глаза-

ми, как Достоевский поначалу

судит швейцарцев, когда Виноватый

рассказал ему страшную историю

о зверствах, ~~приведенных в Ганн~~

~~маленькую девочку~~ - он уже не

может отучаться отчаянием призна-

ми от стоявшей перед его глазами

правды. Нельзя было забыть того,

что знает. Откачалось только

скрывать - скрывать и эту правду,

как он сам, ^{своими учителями} ~~всегда~~ за ~~другими~~,

^{самими} ~~Богам~~ достойными, всем глазами

ищущими, скрывать и другие правды.

Он так и рождался. Но он думал

и сам Толстой, о того думавших

друзья - либо с женой и домашними

онъ отбранился, там же, какъ и
Давидъ, изъ горъ южныхъ, кабаровъ купилъ, 30
копеекъ.
Старовъ.

изпадавшие и бранившие его, были
 право, и онъ точно болелъ и нуж-
 дастся въ излеченіи — либо всемиръ
 болелъ и пилъ въ безуміи. „Записки
 сумасшедшаго“ является какъ бы
 суммарный заглавный поведенію,
 что было написано Толстой
 почти 50 летъ. Имени касаться,
 между прочимъ, что на этотъ разъ
 Толстой не случайно озаглавить
 свой неоконченной разсказъ теми же
 словами, которая дали заданію до
 того тему молодому Толстому.
 Когда при мнѣ ^{офисъ} дворянъ читаетъ
 нѣ дворянъ ~~одного~~ прочитавъ
 „Записки сумасшедшаго“ Толстой,
 она была страшно поражена —
 и именно темъ, какъ пришло въ голову
 въ Толстому такое фантастическое,
 какъ могло ему замотать вся жизнь
 въ воображеніи преследуетъ за-
 темъ, что происходило въ душе
 сумасшедшаго человека. Это при-
 томъ это, въ молодое тогда повѣрлю,

в той странной теме? Какое

это дело до того, считали-ли

или не считали ^{себя} копризничать испан-

скими королями, был ли влюблен

большой чиновник в дочь своего

директора, переписывались ли

между собой собачки - и т.д. Я

не стану выполнять всего поурод-

ности, там старательно выписан-

ные догматы, переживания последних

чиновники. Они слишком хороши

известны. Я хотел бы обратить

внимание читателя только на одно. Но

очевидно до того дикой пометой фан-

тазии сумасшедшего человека не

и не на что не пытался

казался так безмозглым, как

он кажется нам. Наоборот ко-
призничать, в своем безумии, возбуж-

дало к себе многобожество. Это же

всю жизнь, казалось до того ^{не}

преодолимо

воляничать и вникать и привлекать к себе.

Иначе, зачем было бы такое дело

и не только любоваться

всю особенность, и общность со всеми и мир

и т.д.

и внимательно отнавивавателен

на его жалкий, а впрочем и история,
и вообще возмущающие переживания.

Заметьте, что и только ^{безумие} похрипка-
на привычно и само в те время

внимание Тоголи. В эту же эпоху
было написано и „Вя“ и „Странности
мест“ и ^{из} ~~книжки~~ много прочитано —

мелочности, что же удивительное в том,
и в том, что ~~то~~ ^{и в том} рассказе Тоголи вообще

далеко не является стольким восторгом наблюдателя и
испытания.

„Лето“ народной жизни. ^{всего} ~~Лето~~ в том.

Нечего тут было сказки и мифа — она ~~такая~~ — та

близка его сердцу, и так и произ- ^{восторгается из его души} ~~восторгается~~ „восторг“

написан восторгом действительности.

И торжеств, и мифы, и восторги и

и ^{и очарования} ~~и очарования~~ ^{и очарования} ~~и очарования~~ в чело-

восторгов души при соприкосно-

восторгов с запредельнейшей тайной и что

^{были} ~~Тоголи~~ ^{были} ~~так~~ ^{так} ~~были~~ ^{перезрели} ~~перезрели~~
^{непродолжим} ~~связана~~ ^{связана} ~~с~~ ^с ~~жизнью~~ ^{жизнью} ~~Тоголи~~ ^{Тоголи} ~~что~~ ^{что}

и, если бы вы попытались произнести

судь над тем, что было сущностью

Тоголи нешто било извн стухри-
песено, иначе говорк баль-ли паемо
вннй Тоголи тоинь, урсуу отбсча
~~не бало~~ мнго иторсд^а, или тинь,
урь порила сь безудертенна гра-
тазис - ва ба не иили ника-
киль уакиаь днз отбсча и
тнотъ вопрош. Разбо только -
если да ва попомниси на какуи
нибуго изь современна теори^{владисла Иригоуенска}
познаи, котора (Безбоузенко
присваиваетъ сь право разре-
шнвнть укривителность отъ
блмаса. Но, если ва не принадле-
ните ко числу тнль людей, кот-
ра снго доворитъ тоговани
теоризмъ познаи, если балих хотъ какова способн запознать
настис, что присвоиная ^{своя} тои
теори^{права} Вахварена сь незаконо,
то вь далко не тнль речн и тнли
станете сводитъ на нннъ вни
попатки Тоголи изобротит^{доступнн, нн, но} (ури-

глаголюю ~~что~~ ^{всё} ~~каж~~ и опровержение теории

гройст в итоге постг. В золоти мои

губочки, о которой я говорю,

уже царил Кант со сво „про-

глыми ^и метадоизми и прочим

мелам. У Попринца и ^{или Кант и по трети теории}

- это знает, твердо знает Кант, что

во что знает и городной грамоты знает и ребенок -

ничего не знает и быть не может.

Если мы и читаем различия

гоголя, то лишь потому, что

в нем мы находим Басни юмора

и острый праски художника. Это

искусство - забавная и развлекательная

вечная досуга.

XIX

Во противоположность тому,

гоголю, как и сказано, уже в молодом

гоголе стало подходить к той же

большой черте, которая от громадных

объемов, была доступна для публи-

цистности от скрапной и отрывочной

пока для человека тайна. Подходя

оно на половину серьезно, на половину

игриво. Ему правильно на ликовании

наклонять голову над пропастью

TVIII
на VI стр 101 § III

того превращения, которое на на-
людается у Толстого и у Достоевского,
иногда в том и состоит, что
человек уже не может отойти
от пропасти. „Записки сумасшед-
шего“ Толстого как нельзя полнее
оно такое свидетельствуют. Со-
бери, если мы вникнем в жизнь
и деятельность Толстого во вто-
рую половину его жизни, а тогда,
как он жил и писал в первую

половину. Не будет преувеличением,
если мы скажем, что все, что он
видел до болезни, стало для
него невидимым после болезни -
и наоборот. В „Русском Архиве“
за 1868 год появилась первая
поя почему то книга не перепечатан-
ная от него Толстого - и восторжен-
ные по поводу книги „Война и
мир“. В ней есть следующее, что
яко бы ^{написано} обобщающей строки, в конце
Толстой определяет свое отношение

Петр Андреевич Поткин Лаваринский
до смерти своих родных и моих друзей.
Значительной частью в жизни - одна надежда
на смерть и будущую жизнь. В этом
исключительном, ~~пределах~~ ^{пределах} жизни у Толстого
и Достоевского, что они верили, как мы ви-
дим, и тогда, когда отравлял,
который пошел к нему в гости, а все,
что было написано им ^{начиная} ~~начиная~~
с воспоминаний о жизни.
мыслилось и страшно, почувствовали,
что не могут и даже не могут
уже отойти от пропасти

В.И. 102

Нѣ крепостному праву. Это, говорить
онъ упрямилъ въ томъ, что всѣ
соображенія охъ не достъ точно бари-
зиль, характеръ времени. На тогъ
упрекъ, говорить онъ, я никакъ не возре-
зиль въ слѣдующее. Я знаю, въ чемъ
состоитъ тотъ характеръ времени,
котораго не находитъ въ моемъ
романѣ. — Это утиса крепостная
права, закладывавше тогда въ стѣны,
сочене взрослыхъ поколѣній, Салтайки
и т. д.; и тогъ характеръ того
времени, которая живеть въ нашемъ
представленіи, я не считалъ вер-
нать и не желалъ бороться.

Изучая писанія, дневники, преданія
я не находилъ въ нихъ утиса этого
бунта въ болѣе стѣпени, чѣмъ
напомню имъ теперь, или когда либо.
Въ то время также любили, за-
видовали, искали истинны, добродѣ-
тели, увлекались страстями; также

была сложная умственно правитель-
 ная жизнь, да еще иногда боится
 утонченности, ^{и теперь} в восточном состоянии,
~~иногда~~ Эшли в понятии ~~нашего~~
 составилось мнение о характере
 восточности и грубой силе того
 времени, но только от того,
 что в преданиях, записках, по-
 вестях и романах до нас पहु-
 лос доходили восточные случаи
 насилия и дикости. ... Поэтому
 было уже 40 лет, когда он пи-
 сал эти строки. Т.е. он был
 еще в том возрасте, который
 принято считать ^{полной зрелости} возмателъ разво-
 та наших духовных сил. И, тем не
 менее, драматическая эпоха не
 возбуждает в нем ни ужаса,
 ни отвращения. В том самом
 Толстом, который, как мы пом-
 ним, еще в детстве приходил
 в безумное отчаяние при вспомо-
 гании о том, как были мучили,

В эти годы наш разум

или при сцене мелкой ссоры и жива-
сь копожиной. Онъ знаетъ такъ-ли
хорошо, какъ и въполнѣ дѣлѣй, что
договоръ Аракчеева и его сподвиж-
ники, онъ знаетъ, что толика при-
пугивае мужики и какова была
ихъ жизнь ^{негражденкой} ~~впослѣдствіи~~ ^{послѣ}-
дѣйствіи, но онъ отказывался видѣть
въ этомъ характеръ описываемых
и въ то время. Почему? Или-чтобы
ровне поставить вопросъ и ближе
подойти къ занимающему насъ
предмету - далъ ли правъ Толстой
въ 1868 году, когда политикъ видѣтъ
о характерѣ времени въ утонченно-
сти вѣщаго соловья или - вѣс-
лодѣй, когда не могъ уже не
видѣть въ той же эпохѣ
ничего, кроме возмущенія и
и безмолвнаго буйства. Въ пос-
лѣдствіи произведеніи Толстого

Эта сторона ^{русской} жизни первой поло-
 вина XIX столетия описана
 с такой пылкостью и неприкрасной
 правдой, что большинство из-
 нить не ^{даже} допущено по цензурным
 соображениям и печати
 в России и только появились толь-
 ко в заграничных изданиях.
 Но, даже в этих произведениях,
 которая ^{даже} доступна русскому чита-
 телю, новой, "взгляд" толстого сказывается
 достаточно ясно. "Утонченная
 жизнь высшего сословия" кажется
 ему уже одним словом, а
 не правдивым, звонким преступ-
 нением. В ~~разреш~~ Ену достав-
 ляет особое удовольствие пока-
 зывать, как под краем, на
 мизе, выжидательно скрывается
 отбратительная, безчеловечная,
 прямо не знающая предельности
 жестокости и безсердечия. В неблагородных

Развѣзъ, утро поситъ бола, на-
писанномъ въ 1903 году, когда
Молотову уже писель восвоян-
дештотъ, тѣмъ побав оцѣнка,
новое пониманіе пеньи съ особом
силой противоставителъ обог-
ному пониманію. ~~Кобелевскому~~
Разсказъ состоитъ изъ двухъ рас-
тѣй. Въ первой описывается все-
лай, красивой и интересной бола
~~Въ~~ почти Мопсавастья о мастер-
ствомъ, равнаго которому кажетъ
ни до, ни поситъ Молотово русскою
литература не знала. Бола бола
по итито, чуждаей. И туза ка,
и танца, и мажнших, и отари
вативших люди и, писно, прелаткоу
пологда гдѣшка, предметъ похи-
щеній разсказчикъ. А потомъ терезъ
чаеъ поситъ бола — разсказчикъ
звѣстисъ свиротеломъ каовой

сцена: понять свою строй дезер-

тира-татарина. И, кстати

происходит под ^{Комангору} ~~руководством~~

полковника, отца этой очарова-

тельной грубости, Декабрист,

эта сцена была описана Толстым

с величайшим мастерством.

Воистину так, если не до конца

искусством и подлинно

описана и жизнь татарина.

Но ^{статье} ~~буду~~ приводит вписан

но этого рассказа: вероятно,

он читает все, что, как известно,

Конечно, хорошо знакома та

новая манера „видеть“, как ^{стала} ~~стала~~ усвоить ^{т.}

свои вещи Толстому поэт

его душевного кризиса. Но

важно остановиться лишь

на одном! Это, в самом деле, эти

пути видеть голову-очарова-

того самого, который по поэту

был таин.

теловой боли и извечного пол-
ковника, ко общему удовольствию
танцующему ^{к конкубине} ее красавицы дочери
машину по старинному или же
на полковника, ~~подвергающего~~ ^{протискивающего} своего
~~на~~ ^{своего близкого} ~~патриарха~~ ^В разном
"утро после боли" Толстой
"почти" объективно изображает
наше и боль и ~~приведение~~ ^{наше} ~~свое~~
~~строй~~. Но, если и что во виду
всю литературную форму теловости
Толстого - можно, метафизически
кончить, сказать: в первую половину
своей жизни Толстой изображает
жизнь, как ^{отаровативной} ~~боль~~, во вторую - как
интересную ^{потку} ~~приведение~~ ~~свое~~
~~строй~~. Но в старости - все не
только драматическое время и
царствование Николая первого

принимая во внимание характер

какой-то безумной и мучительной
 или кошмара.
 или фантастической. Такие бои

много позже время стало

казаться неважною жесто-

ким и безсердечным. Ну все:

даже жизнь его семьи, и его

собственная жизнь — ~~было~~ предпа-

ласту во самых мрачных кра-

ках. { ~~Во~~ несколько слов

его призыва себя } С ним повто-

рилось то же, что и в 20-е годы.

Он вдруг, в чужую сторону уйдя,

это он не лучше, а хуже других,

он же Гоголь уйдя, что перо

произведений — это он сам и

Левитанов, и Тургенев и Казарев и

все другие оригинальные драматурги

художественной галереи списаны

с него же. Полной, между прочим,

что то говорить, что лучший вид

которую же недавно он описывал
 в „Война и Мир“ там ^{идеально} ~~составил~~
 но прекрасной.

привести к нему и Гоголь

литература есть автобиографии. Это
печально - по крайней мере у нас
порь было печально. Даже Дневники самого
Толстого пока еще не опубликованы -
но те дневники и те ~~автобиографические~~
писания, которые мы знаем дона-
стоят почти противоположное.
Ни одному человеку удалось порь
не удавалось в прямой форме раски-
зито о себе ^{всю} правду - и это равноот-
носится и к "Словами" Б. М. Мухоморова,
и к автобиографии Руссо или Миллера, или к известному Нитше.
И, наоборот, наиболее откровенно и
наиболее трудную правду чужди
рассказывали в своих художествен-
ных произведениях, в своих философ-
ских трактатах. Если бы Достоевский
написал историю своей жизни -
она, вероятно, мало отличалась
от той Страховской. А в "Записках
из подполья", в "Свидетельствах"
и "Сквозь зеркало" - она признается

исаича Сирахов. Вот перед нами
кающийся Достоевский. И Иосиф

сказал бы когда нибудь про него
размышлять о себе то, что рассказчик

в "непримиримой группе" в "духовной этнографии"

тоже можно сказать о Лотаре-Росте

и "авторский исповедь" во многом

узнали бы, если бы не было "Ревизора"

и "Мертвая душа"? И так можно

обо всем писателем сказать. Это

и естественно! потому никакой воз-

можности откратить обманать

самого себя. Да и почти необходимость

требовать от людей, чтобы они

подвергали себя такой мучительной самокритике
производили сами собой ~~мучу~~

печаль. Достаточно, если они в ва-

машинной и условной форме рассказа

или размышлений / показать людям

то, что они видят во себе. Тут не

только просить усвоения Страновича

традиции — признать конец во Богу,

Ибо, что из этой общины греша,

близкой и за

и, стало быть, мы приучились к тому

говорить, но и думать только то и

мысль, как того хочет община

~~Иллюстрация писателя Сирахова~~ Написать

правдивую и в то же время и исповедь

т.е. рассказать о себе не то, что хочет

знать община, а то, что действительно

есть. Это — значит говорить о себе

говоря о себе ^{примечки и в конце, писавших} по поводу стили,

на такие самокритические вопросы самим

самим и неспособным

писать все правдивую и в то же время

значить при этом все откровенно

своей личной внутренней, или личной

жизни ^{основания} по Лотаре-Росте общины

и ради высшего благополучия губить
правду. Конечно, люди должны поре-
шиться не рождалось слишком
близко подходить к правде и
трудно вконец сказать, что дает
эта правда. Но не очень много
дали нам и со стороны по-
страхованья, так что уверенно гово-
рить правду. Те же утешение-ва-
жнѣе, которые принципиально до-
лжны работать со старыми и могу-
т сказать, что дане востановили
на показъ правда вовсе не стано-
вится ^{еще} "добрым" датчанством. Кому
не нужно — тот же не увидитъ, как
до нас ^{во всей своей жизни} ^{исправителю} ^{стали}
всего пережито. Пока существу-
етъ миръ — не переводится и страхомъ
которое, хотя бы и снесено
собственно все то будетъ изгнано
данными взаимными суровой правды

излагаю логично. Жаль что в автобио-
 графии не найдете там-на-мало
 правды, как и в биографии. Если
 захотите убедиться в этом — вам нужно
 научиться трудному искусству
 расшифровывать то иероглифы, по-
 тому приняты в литературе на-
 звать символами. Поэтому, мно-
 жество ^{да} законченных в худо-
 жественном смысле произведений
 иной раз гораздо больше говорит,
 чем законченные. Автор не че-
 ловек еще закончить, т.е. приспособ-
 лившись к ^{общим} ~~существующим~~ требо-
 ваниям своей эпохи. Кто пороки
 не придуманного конца, кто
 всего удовлетворяющего заключе-
 ний. Разная и обратная манера,
 как утешать нас водой, стоит в
^{своем} ~~своем~~ своем естественном росте — и
 некому оправдаться во ее непри-
 знанности — ни самого автора, ни
 услужливого ^{биографа.} ~~Стрехова~~. Поэтому
 и частные писатели, не предназначен-
 ные для большой публики иногда
 так много связываются — как и
 при ведении писателя Стрехова

и Толстому или Толстому не ис-
кст. Но этому толку много дают
ископченность и неграмотность
нам и "Записки сумасшедших"
Толстого. Во ~~своих~~ ^{своих} закопченнах
ранних и поздних
своих произведениях Толстой
самым настойчивым образом
проводит ту мысль, что он не
и есть проповедник здравого
смысла и что его задача прежде
и после всего состоит в том,
чтобы ^{обратить} вернуть людей в ^{бо} вору здра-
вого смысла. И только одна из
всех вещей он позволяет себе
назвать то, что происходило
в его душе настоящею словесью.
"Они признали меня... в здравом
уми, но я то знаю, что я сумас-
шедший". Эти слова, как и все
содержание небольшого рассказа
служит ключом к пониманию
нового творчества Толстого, твор-
чества, приходящего так же
глубоко всему современному обществу.

Для того, чтобы оцѣнить и понять
значение ~~этого~~ небольшого разска-
за, какъ едиготности оучи-
тель робота, происшедшии
въ Толстой, Нурено, ^{однако и} обратитъ
вниманіе на тѣ замѣчательные
и особенно загадочные обстоя-
тельства, что и въ послѣдніе
годы жизни Толстого, какъ и въ пер-
вые „сумасшедшіе“ его не было
его постояннаго душевнаго со-
стояніемъ. Какъ у пристрастнаго
обитателя психиатрическаго дома, такъ
и у Толстого его сумасшествіе
обладало или спорадически — <sup>онъ то былъ въ своемъ „особенномъ“, то „воб-
щестъ мірѣ“</sup>
придуть ^{беспричинно} безумные страсти, перевер-
нуть и раскинуть все, накоплен-
ное въ души, и уйдуть такъ же
внезапно и неожиданно, какъ
и пришли. И тогда Толстой ^{наступаютъ lucida intervalla}
снова такой же „нормальной“, ^{живущей въ общемъ мірѣ}
человѣкъ, какъ и былъ, только
съ нѣкоторыми странностями
и чудачествами, слабо и отдаленно
^{отражающими}
~~и нѣкоторыми~~ ^{переходами} буря
и т. предвѣстіи будущаго ^{носят} опустошенія.

Отсюда и неровности всего харак-
тера и деятельности, отсюда
и противоречия, которых так
охотно подчеркивали его много-
численные ^{недоброжелатели} враги. Глоусто и боялся
- боялся смерти - боялся своего
безумия и влияния во многом не меньше боялся и своей нормальности
страстно желая его. И я думаю,
что едва ли { боя на землю кто есть или будущее или будущее на
огни человека, который был в поле. Земля могла
теперь молотого проявить был
большое постоянство и твердость. }

pastor VI BT

XX

Ити, знающие молотом, еще с детства
принадни безумная, ~~можно сказать~~
~~просто~~ сверхъестественного страха
направляют
и ~~представляют~~ собой всю жизнь и
творчество второй. половина его
жизни. Многие, чтобы успокоить
себя и отгородиться от того му-
чительного напряжения, которое воз-
вало в них писание молотого,
платили упростили ~~все~~ ~~от~~ за-
гадочной Борей великой души

§ IV BT 96106

Для них все события толстовской
жизни сводятся к мучительному
спору перед неизбежной смертью.

И ~~даже~~ кажется, что таким ~~сам~~ объяснением
себя они избавляются по-
всегда от того трудного вопроса,
которое поднимает толстой, и возвра-
щают пренебрежение права обвиняемых
отвечать. Это и говорит — спо-
соб хороший и, вероятно, люди
от него никогда не откажутся.

~~Нельзя не сказать, что~~ Толстому такого
отношения к жизни открылось еще
Аристотель: не слишком много,
не слишком мало. Не нужно да-
вать мысли о смерти ~~слишком~~
обновлять своей душой, но не
понимать и другие. Мы помним,
что в одном из своих писем
прокипелась диалогом Платона

о предмете философии, как упражне-

ние во смерти и упражне. ^{если Платон прав, то} ~~и в этом~~

смысли последние ^{три} десятилетия

жизни Толстого являются наши
образцы не только философской жизни.

на толщ полюбил потроха все по сути

не нужно ~~считать~~ ~~близко~~ познакомиться
и последней тайне.

На В I стр 107

Всё, что оно ~~и~~ ^{хочет} ~~хочет~~, и потому, по-
видному, одно повзвасице — осия-
бить свою связь с ^{любимым} ~~прежним~~ миром
и теснущим, обросить со своего из-
пенного корабля тот же тёмный
баламут, который придаёт ему
равновесие, из вынужденности
притягивает его к земле. Непос-
вященным, почти орошным наблю-
дательным фило. Мелкого на-
пестика козунтвенности — они отбра-
сываются как раз то, что ищут
наконец наиболее дорогие. Они отнимаются у него, они сходятся на
оскорблении святости, они губят
радости, они приносят и имеют
приносят только скорбь и страдания.
"Что это за проклятое зрели-
ще"
анство, восхищается и со своим
неподдельной искренностью — ^{Николай}
Геракл впертой драме Мелкого ^и ^{Николай}
своих и в то время светит. И
он по своему праву. Взяв слово
и не давая говорить по тем же

[illegible]

въ вѣрѣ въ свою, освѣщенную ~~сто-~~
~~ичивыми~~, тысячелѣтними правоту ^и ~~общаго~~ міра.

Въ тѣхъ правоту, которую еще не
такъ давно знали и защищали
Толстой, которой онъ воздвиг
самъ грандіозный и тѣмъ, по и тѣмъ
перу отворилъ памятникъ въ своемъ
романѣ „Война и Миръ“. Симво-
лизуетъ для себя одинъ законъ
Толстой другой. Кто разрѣшитъ
споръ между братствующими ста-
нами? Права ли въ своемъ неизмѣн-
ной вѣрности старому Закоу
допущающа Толстого или права
перебѣжчикъ, Толстой, еще вѣра
бывшій опорой того самого по-
рядка, на который онъ теперь опирается
возсталъ? Это та истинца,
которая безошибочно можетъ
разсудить между тако ^{неразрѣши-} ~~бывшим~~
связанными и вдругъ ставшими
другъ другу ^{столь} ~~такъ~~ чуждыми и
братскими людьми. И есть

ли тапал итатца? Это такая
итатца есть в этом Мостом-
если показаться на это слова-
не может и не может усту-
питься. В споре с молодым
священником Мостом' особенно
горячо на этом настаивает.

Н.И. Вярить - надо верить, бже
верю нельзя, но не верить
в то, что мне скажут друзья,
а в то, что верю во что-то в привде-
ка самим людям своей мысли,
своим разумом... Вера во что-то,
в истину, в нечто такое.
Св. Разум может обмануть,
у каждого свой разум.

В.И. 10/10/8

Н.И. горячо. Вот это - то
ужасное пощупство. Говорят
даже нам, одно священное правило
для покаяния истины, одно, что
нам может быть соединит
во едине. А я не могу не верить.
Св. Да как же верить, когда, ну
разногласия это-ли.

Н. И. Гро-не разногласия? Но, что
двадцать два-четыре, и что друго-
му не надо думать, что себя не
хочешь и что всему есть причина
и тому подобная истина не при-
знаешь все, потому что все они
согласны со нашим разумом.
А вот, что Богу открылся на
горе Синай Моисей или что
Будда учил нас на солнечном
луке или что Магометъ стоял
на небе... в эти и тому подоб-
ные грехи мы все врозь. —

~~Вот отъ подобнаго грѣха~~
Николай Ивановичъ воспоминаетъ
много, которое всегда называлъ
толпому неразрѣшн, органически
срощенъ со всеми его существованъ.

Разумъ — одинъ для всехъ и
всегда былъ такимъ. Онъ всемъ
говорить одно и одного отъ всехъ
требуетъ. Но, почему же тогда
толпой до 50 лѣтъ не слышали
повелительнаго голоса своего разума?

и потому, когда он впервые почувствова-

вал, что он уже не может
вырваться из власти этого пове-

лителя или овладеть таковой

безумной чуждой? Почему он

тогда принужден был сдаться

себе: он-то признал, что и Чолово

подвержен адреналину, но я

знаю, что и сумасшедший. Я

думаю, что для сколько-нибудь

внимательного читателя сочи-

лений Толстого не может быть

какого-либо сомнения в том, что

в „Записках Румянцева“

ему удалось лучше выразить

свое состояние, нежели в толчке

что приведенные слова Нико-

лая Иванова. Тот ^{отсутствием} „разум“, который держит „общий мир“,

который соединяет, который

действительно дает истину

во рту того, кто владеет ею

теперь или ничего не отвечает

без причины не только не может

оправдать ^{какую-либо} ~~тот~~ сторону, ~~с которой~~

начался толстовский переворот,
но наоборот быч или самона
судовач образамъ осуждаютъ, какъ безпричинно, ни на что не основанно,
они же, мы помнимъ, и были
безпричинными — они, когда мы
увидимъ безпричинности остались
по всегда. А впрочемъ для этого
разума — какъ и само Толстой
без колебаний провозглашаетъ —
"двухъ два четыре" и "всему
есть причина" равно недоуспе-
вающихъ сомнительна истина. Какъ
ясно бы этотъ разумъ бысто-
ловитъ Толстого на то новое строгий путь
быть, которое отъ началось
нодо непосредственно вникать вникать
"принадлежитъ сумасшествию".
посмотрите, какъ она была пер-
вая все послѣдствія затронула
Толстого новой жизни. Двухъ-
затѣмъ не только жила сама
согласно
относительно, дружно. И вотъ, съ темъ удво: общее впечатление послѣ
таково

свои собственные

Я не берусь утверждать, что
рассказанные въ повѣсткѣ драмы
были "и вѣдь въ томъ свѣтѣ"
все точно и воспроизводитъ
все события семейной жизни
Толстого. Можетъ, кой что или
и во многомъ. Но, несомненно
таково

поре какъ Толстой прожилъ
 жить по повелю, пришелъ консу
 и ^{ромасий} ~~стат~~во, и любви, и дружески. Не
 могли разойтись, или витьтн
 по совлнтьтпмъ жнзнъ баль мнн
 и точннкомъ ностояппнхъ ута-
 совъ. И, если правда, что разуму
 дано обннматъ и обводннмъ
 людей, то, очевидно, какъ селнн
 Толстой, послъ ево переворотъ,
 стало внматъ началу, разуму
 прнчнно враждебное. Внъ близнн
 точно одннъ человекъ возсталъ
 протнвъ нго и въ ~~сво~~ доводахъ,
 прнводнмнхъ нмъ въ свою заклъ-
 ту и оправданн, нкнн не
 чувствовалъ ни малейшей удн-
 днтельностн. Наоборотъ, всн-
 если не знали, то чувствовалн
 за нннн доводамн то началу
^{прнмалось}
 безумнхъ, о которонхъ разспазаваетъ
 Толстой въ своенъ „Запискахъ
 сумасшедшаго“ и бороннхъ со нннн,
 какъ могли убннцннннн, прнсобннн,

угрозам, ^{бурная} даже силою. А ^в Асологіях ^{судна} судна
розбитами ^{всесили факт пофрідого} паса - ^в (нотуржисти
і не точно об'явлені ^{сторона} сторона - то
по суті не об'явлено ^{второ} второ і
правдиво ^{із} із ^{обрат} обрат ^{ається} ається ^{тотів} тотів ^{аг} аг,
із ^{якого} якого ^{принци} принци ^{подо} подо ^{руково} руково
директорів ^{„разума“} „разума“ ^і і ^{небави} небави
прокла [„] „ ^{христіанства} христіанства ^{членів} членів
когда ^{частиний} частиний ^{символ} символ, ^{како} како ^{необов'} необов'
лучше ^{класифікують} класифікують ^{на} на ^{додаток} додаток
можливо ^{на} на ^{возможностей} можливостей ^{„единакості“} „единакості“
Наверно, ^в в ^{освітній} освітній ^і і ^{уборній} уборній
і ^{додаток} додаток ^{до} до ^{законів} законів, ^{цві-} цві-
тіння, ^{дроздів} дроздів ^і і ^{члени} члени ^у у ^{члени} члени
дроздів, ^{танців} танців, ^{світ} світ ^і і ^{тотів} тотів
глава ^{символів} символів, ^{собираючий} собиравший ^і і ^у у ^{члени} члени
із ^{до} до ^{куди} куди ^{тако} тако ^і і ^{тотів} тотів -
тільки ^{ба} ба ^і і ^{вигляд} вигляд ^і і ^{тотів} тотів ^{бави} бави
разів, ^{нотуржисти} нотуржисти ^і і ^{тотів} тотів ^і і ^{тотів} тотів
считав ^{тотів} тотів ^і і ^{тотів} тотів ^і і ^{тотів} тотів
тотів. ^і і ^{тотів} тотів ^і і ^{тотів} тотів

ни угрозы, никто бы не убогичил
 его измывничьи приемы трюизма.
 Поэтому ничья добродетель не освободит
 от иностранной угрозы: или он
 уйдет, или бросится под колеса.
 Не разуму ли - а только угрозы
 уступает Николай Иванович.
 И, среди безразлично великой маж-
 нильской силы, очевидно не
 постигающей ^{кошмарной} безумного ужаса
 разрывающей между матерью
 и отцом ^{борьба} ~~судьба~~, гибнет у Николая
 Ивановича последняя надежда на
 торжество его разума. Он сми-
 рается, он отступает от себя
 и продолжает эту свою "против-
 ную угнетенности" жизнь - но он
 все не может видеть, что в этой
 уступке заключается полное и
 последнее поречение его разума.
 И ~~только~~ ^и ~~судьбоник~~ ^в ~~этом~~ ^{переводит}
~~мало~~. В таком безразличии,

и сь той, приле роковой, дичасо
теорій, проводимости иль, впрочем,
за сценой отъяснения сь техой, рк-
суть иль одну сцены. Ах не менше
участию и ^{сход} и ^{подробно} ^{участь} ^{гид}
персонажи разума. Приходит
мать князя Терешанова, наводя-
щаясь под судомъ за отпазвотъ
вспомой службы и сь такими без^{успешно}у-
паче отъяснения, ^{таких} въ ~~своих~~ грубыхъ,
теснелихъ словыхъ, продиктованныхъ очевидно
сознаиель ^{или} ^{удовлетворить} ^в ^{своих} ^{невозможности}
^{работы} ~~чтобы~~ ^{сделавъ}, какъ адеитъ и
на Николая Ивановича и на сь
христианство, ^{забыть} ^и ^{нужно} ^{нужно}
^{неизлечимъ} ^{никакой} ^{возможности} ^{предотвратить}
^{предель} ¹⁴ ^{Всех}
отъяснения ^{глаго} ^{разума}. Все
слова, все доказательства, которые
въ долгие спокойные моменты,
Николай Иванович, конечно, приведет

въ пользу своего учения и ему со-
 мнѣю кажутся вѣдущими и
 безсмысленными. Это сказаніе ^{добровольно} ~~нижеслѣдующей~~
 книжки - вещь которой ^{огреченъ} себя
 ни глѣбо? Сколько бачи не говоритъ,
 сколько бачи не что ^{Николай}
 Ивановичъ, ^{мне} ~~вѣдѣ~~ ^{то} ~~то~~,
 какъ онъ свѣтъ, онъ единственная опора
 и надежда, сидитъ въ сумасшедшемъ
 домѣ, среди безумно воящихъ, оди-
 чавшихъ людей, или въ дисципли-
 нарномъ батальонѣ, среди ~~президи-~~
~~ума~~ и } ~~лиценціи~~ ^{и наполовину необучающаго} ~~и наполовину необучающаго~~
~~правъ~~ ~~веревъ~~ ~~и людей, не могутъ~~ ^{никогда и повѣтъ.}
 повторить, что онъ учение истинное..
 "Воздумали о Н. И. какое то
 христіанство. Это не христі-
 аство, а дьявольское учение, кото-
 рое заставляетъ вѣчно страдать"
 для книжки, для псалма, для дѣтей, для ~~всѣхъ~~ ^{всѣхъ}
 осуществленіе теорій Николая Ивану-
 вича равносильно отказу отъ
 жизни. Они прекрасно понимаютъ,

что поступать так, как учить
Н. И. — и значит умереть! Мать
и говорит Стена отцу. Кооптыч —
это не считайте возвращением. „Да,
если ты уверишь друзей свои, то
это будет прекрасно и для тебя
и для друзей“. И, собственно говоря,
бессмысленного публичного душевного состо-
яния Н. И., направившись кивком
вперед, роковая предчувствие не-
постижной смерти — сводится к стрел-
лению добитых безстрашия пред-
смертной. Умереть не страшно,
в смерти — не концы, а надежда,
утра — только в нашей безмолви-
ной, порочной, грубой, животной жизни.

наша
жизнь есть смерть, а ^{наша} смерть есть казан-
щина.

Вот что говорит окружающим
он молчаливо и вот чего они не
понимают, — и никогда не поймут.
„И
что „разумно“, сколько бы не на-
правлялся молотом, но так и не за-
ключений не приводит. Наоборот,
если под разумом понимать то,

что руководителем будет
 вся масса живущая ныне
 и прежде жившая человечество,
 что придется признать, что ос-
 новными, верховными принципами
 будут ставит сохранение и устройство
 человеческой жизни. Это есть
 то, что *semper et ubique* *clavom-*
nibus creditum est. ~~И~~ Против мно-
 жества возмущали только из-
 ряда отглагольные индивидуумы -
 только исключительные люди, великие революционеры мысли,
 оставались во своей стране, воп-
 реки тому, что все думают и
 гудят вводят идти теми путями,
 по которой ведут ^{грозь муки и} ~~те~~ ^{лучения} мь и
 смерти. И, разуме, тот же разум,
 на которой основан *Григорий*
Иванович и *Молотой*, менее всего
 способен дать опору какому то
 или быто индивидуальному личному
 начинанию. Вся сила его лишь в
 во том, что он берет свое

начало и питающееся собою
въ толщѣ общественаго, родован
наслоения. На людяхъ и смертъ
красна. Бывають эпохи подго-
товъ, когда самое оригинальное
люди находятъ въ себѣ достатокъ.
по силѣ для того, чтобы идти и
трудный подвигъ, даже на смерть.
Но не удивлюсь, не опираясь на свои
собственные разумъ, а поддерживаю-
щие общими духомъ, питаемые
силами, исходящими изъ тѣсно
соединившихся вокругъ нѣкогда
близкихъ. Не столько самосто-
ятельно идетъ, сколько его несетъ стигма.
Мать бываетъ во время парадныхъ
войнъ, мать бываетъ въ эпохи рели-
гиозныхъ гонимъ и подготовъ, но во время бурь
этотъ, разумъ, это глубокое удовле-
вленіе въ законности и правотѣ
своихъ дѣлъ не лики лишь творчество
отдельнаго человека, а коллективный

усиление общества. Каждый от-
 дельный человек возрастает до
 неслыханных пределов. И, если
 бы Мелитому, в его учении удачно
 быталось вразумить и напрос-
 ний широкого слоя общества, вероятно
 ему не пришлось бы убого в прообразе
 собственной семьи и среди близких
 ему людей натолкнуться на такую ненависть и такое
 упорное сопротивление. Или бы
 со кнута и за нить и на муки,
 и на смерть - куда угодно, как
 или за Могометом, или или
 за Петром Пустышником, и
 тогда бы Мелитой стало проро-
 ком, вождем людей. Но у Мелитого
 было иначе. Он закотил убо-
 гить отглаголить людей нить
 не по общему разуму. Он вооб-
 ражал себе, что заложила на землю
 кайе встали Богом дано священные
 орудия для познания истины, и что
 катюши, и катюши и катюши, и катюши при
 посредстве этих орудий пролагать свой истинный путь

За Степкой Ратислав и пророчески
 как или в 12 году за Канон-
 ном или за Кутуровом.

Въ этомъ была ^{и теоретическая} ~~религиозная~~ ошибка.

Не только не дано верою это
священное орудіе — и у самого
оно не было дано ~~Вотомъ~~ даромъ
отъ рожденья. Когда онъ писалъ
свою „Войну и Миръ“, онъ такъ-же
было далекъ, отъ исполненія тѣхъ
требованій, которыя онъ теперь
предъявляетъ по волю, какъ и
тѣ, которыя онъ сейчасъ обличаетъ.

Разсказалъ же онъ намъ въ „За-
пискахъ Сумарина“ ^и о томъ,
насколько онъ некогда дуракъ, что бы
выманить у него даромъ или
нѣ или какъ онъ разсчитывалъ
прятать свои состоянія и лич-
ные. Какъ трудно это угадать
о точности, какъ трудно намъ
принять разсказъ Страхова о
Достоевскомъ. Но это трудность
необходимо продолжать — или

ма котичи вънакопецъ биче
 разобратъ въ тѣло мучитель-
 ное снотосѣянъ, которыми
 насъ окружила жизнь. Нужно
 будетъ принять и болѣе
 трудности. Ма увидимъ давши,
 что и послѣ перелома Толстой
 далеко еще не освободился отъ
 власти того общественнаго
 разума, который онъ такъ
 восхвалялъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ и
 которому онъ проедалъ перчатку
 въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ.
 И не только Толстой — все, все —
 тайные герои массы, все безстрашны-
 е на видъ борца за правду
 и свободу, бывши дилетантами
 и даже частью работниками того мо-
 нумента владычества и тирани-
 зма, который освобождался отъ
 царя. Толстой насъ биче, что
 другие — каждый изъ насъ знаетъ
 съ нимъ года, десятилетия. Каждый

и зъ нами утиски ^у тво него, и как-
гой въ своей жизни потамся,
хотъ полного и хотъ на корот-
кое время осуществятъ его
идеалы. И, разобравшись въ то-
мъ, что мы поистинѣ хотимъ и чего
разберемся въ мотивахъ и мотивахъ
тѣхъ людей, которые были до-
рогой до насъ, по которымъ пре-
ходило мучиться и биться
подъ записками, ^{по насильству} ~~на~~ рогу
въ родъ передающихся чертѣ и т.д.

II

Эдипъ! разучи! Если ма впом-
нить тѣ глава, где намъ при-
ходило говорить о Платонѣ и
Сократѣ, и объ ихъ обществѣ ~~уверен~~,
Аристотель - намъ не покажется
странной тѣ горячность, съ кото-
рой Платонъ утиски Н.К. въ стои-
чество, утиски и другихъ лицъ

въ другихъ произведеніяхъ и во-
частяхъ оныхъ собственнаго имени
ввѣстятъ насъ на защиту разума.
Что такъ понятно, такъ естествен-
но. Гораздо загадочное и соот-
вѣтственно тому, гораздо важ-
нѣе и ценнѣе для насъ противу-
поставная тенденція у Толстого:
правда, скрывать и потому упу-
скавъ изъ виду читателями.

Знаю впередъ, что то истолкова-
ніе, которое онъ далъ въ "Запискахъ
сумасшедшаго" едва-ли, при современи-
ныхъ состояніяхъ умовъ, покажется
прістѣснатель. И только не менѣе
и принужденъ сказать, что въ проти-
вуположность такъ мало формули-
рованныхъ теоретическимъ взгля-
дамъ Толстого, никто столько не
сдѣлалъ для разрушенія крѣпости
разума, сколько Толстой. И, можетъ
быть, въ этомъ и заключалась лич-
ная трагедія его жизни. Стану

просто — историю знает мало людей,
которые бы отнеслись к таким
глубоким ^{к разуму} ~~недовольству~~ ^{которым} ~~вот так~~
в свое недовольство вкладывали столько
вражды и отвращения. И я думаю,
что между у Толстого иначе
и жить не могло. Могли бы пути
была та лютая уверенность, ко-
торая минутами или полосо-
ми овладевала Толстого и
тогда что-то могло создаться на
почве не оправдавшихся надежд
и такое глубокое разочарование.
В Толстой еще в молодости,
когда только начинал писать
был склонен видеть в писателе
прежде всего и почти всего учителя.
Ему казалось, что миссия писа-
теля направить человечество
на единичный путь добра и истины.
Эта мысль вдохновляла его и

особенно
в первую половину жизни

давала ему сила воплотить все
те мечты, на которые обрекало
такое неудачно сложившиеся
обстоятельства личной жизни.

Наткнувшись раз, когда ему удава-
лось больше или меньше полно
и страстно выразить то, что
владело его душой, ему казалось,
что найдено, наконец, то мате-
риальное слово, за которым поби-
лительность человеческого. В это так
ясно видно всю многозначность
слова — начиная со старого
и почти забываемого переписки
в Москве. Ему самому он
правота казалась столь безор-
ной, тогда же представлялась
столь излученными таинствен-
ными желаниями правды — что
он, как это не странно, буквально
готов был верить, что по
своему слову мир в одно мгновение

станетъ другимъ. Совѣтъ какъ
въ писаніе сказано - если будетъ
у тебя врагъ и ты сажешься
горы сдвинутся съ мѣста, она
сдвинется. Толстой думалъ,
что есть у него эта врагъ и
что будется пророчество и
гора по его слову станути сдви-
нута. Аристотель, конечно, не
нашелъ бы эту врагу согласи-
е разумна. Аристотель сказалъ
бы, что врагъ Толстого въ свою
правѣ вскинуть силу такъ-же
мало основательна, какъ врагъ
магомеданъ въ полѣ Маго-
метъ, или буддистовъ - въ Будду.
И, если бы Толстой болѣе за-
ботился о вѣрности согласи-
нотъ своихъ словъ, онъ бы самъ
это замѣтилъ. Онъ бы почувство-
валъ, что ^{буква} Сократъ - который

впервые ^{прикраса людям}
~~они так~~ ^{возвратила} ~~благую волю~~

о суверенитет, божественных прав
 разума — ~~они~~ ^{он} был отнесен к числу
 тех мизологов, о которых ста-
 нинь сгорать ^{нельзя} говорить Платон.

Учитель, верну, к ~~ва~~ ^{ва} ~~бл~~ ^{бл} — а, от
~~ва~~ ^{ва} ~~бл~~ ^{бл}, то теперь необходимо ему
 напомнить, что Сократ и в соб-

ственных ~~глазах~~, и в глазах учени-

нов и — главное — перед лицом персонализации, т. е.,

собственной учения т. е. перед своим

философией должен был всегда

оставаться правым. И не в том

смысле, что он учил истине,

а в том смысле, что он всем

своей жизнью истину осуществлял

^{а не} ~~и~~ ^{говоря} ~~главным~~ — Сократ был, в собственном ~~глазах~~

в глазах всего древнего мира,

праведником. Для него не было

разницы между делом и словом

его слова — были его дела, всего

делом, в его жизни во всем пол-

нот осуществлялась его философия.

Вспомните про Акивида в „Рим-

позиона“, вспомните Аполлонию, в том-

ните все, что сохранило преданий
о жизни Сократа. И у него была
жена, и у него были дети, ^{они} ~~а также~~
тоже был в свое время философ,
словом — он, как и Толстой,
был окружен и оплетен той
сложной и запутанной сетью
житейских обязательств, ко-
торую знают все, кроме того,
кому ^{раньше} ~~неведомо~~ жить суждено
было судьбой всеми вмиг и без всякой
паузы. Но, во всяком трудном
обстоятельстве — Сократ ни-
когда не отступал, никогда
не отклонялся от себя. По крайней мере
и он сошел, и пошел, с кони
он вогнулся, был в этом му-
жине убожество. Его жизнь, и
его смерть — считалась и считается
всем и образцом добродетельной
жизни и смерти. И — в этом
самое главное — весь смысл фило-

были друзья, были многочисленные
враги

софий Сократа во этом - что бы
 не говорить о добродетели, а
 не осуществлять - а осуществлять
 ее. Не только должно, но можно
 быть праведником, ^и ~~а~~ - это
 и обязань
 Сократ мог сказать во всеуш-
 мае - праведник, и тот, кто
 во этой жизни не осуществил
 идеала праведности - т.е. и
 не слабый человек, вполне
 заслуживающий уважения
 еще в будущей жизни мужа.
 Сократ и на минуту не мог
 допустить в мысли, что у него -
 или у кого угодно - может не
 хватить сил для осуществления
 праведного идеала. {Если бы
 бы это допустить} Полное
 допущение для него было равносильно
 отречению от всей его философии.
 Вспомните рассказ о том,
 как соблюдал его Акивиад
 и вспомните одновременно то, что
 и по смерти повести то есть
 о том, как и отцу Сергию пришла

в немую погребенную. Сократ^с
тут, ^{наименее} (всего) отстранясь от
себя нового обольстителя, отцу
Сергею, чтобы еще больше соб-
лазны, пришлось отрубить сего
топором палец. Можно было
бы при всем еще несколько соот-
ветствовать параллели между
событиями из жизни Сократа
и Моисея, или вообще ^{не} ~~то~~
события из жизни, а из того,
какие в них совпали эти
события представлялись. Я думаю
что ограничение во виду того,
что о Сократе, собственно го-
воря, у нас сохранилась только
легенда. Но значить, как пред-
ставляли себе ее почитатели
его жизнь, но, что происходи-
ло в его душе - об этом и
угадать трудно, а вообще
знать ничего нельзя. Но для нас
сейчас то и главное знать,

что было и Сократом. Но, впрочем,
 собственно не о нем и говорить
 мы интересуемся по учению;
 или той основной идеею его
 учения, которая передавалась и
 впоследствии человечеству: так
 или иначе создавалась уверенность,
 что Сократ был праведником,
 что, стало быть, человек может
 быть праведником — если только
 пожелает. И ^{не} ~~только~~ тот есть
 истинный покровитель учения
 Сократа, кто провозгласит на
 словах праведность, а ^{только} ~~кто~~ осуществит
 ее в своей жизни. Сократ
 никогда не искал дураков, чтобы
 поживиться на их счет, Сократ
 никогда не притимал к себе
 людей, Сократ любил и ценил
 одно лишь добро. Только думать
 и должен был думать о доб-
 ром Сократ, только думать и
 думать были думать о Сократе

В 20 ученики и почетники.

Многие сравнивают толстого с Бюхари.

~~He me moni ou. Moni to Him,~~

Меня со учениками и училка-
ми и ботани и есть там же, но-
торые со считали - паху урбани-
сокрита - ботаники и правед-
ники. Но оу-ти соич думает
и говорил и так. Оу-ти соич си-
ти соич великий, величайший
урбаники. И не только та
половина со титки, нога оу-

еще не постигнуть новой истины, представляясь ему обратителем

Это старость таков - что ему противно,
~~вся его жизнь до позднейших~~
 началу его молодости. Вся его усилить
~~жизни дней. Во старости он такой~~
 и исправиться не приводит ни к ка-
~~кому результату своему безвозвратной,~~
 к тому результату. Разум, ~~те~~

тому результату. Разумъ, ~~не~~
"Богосетвиное орудіе", на которое
онъ ~~и~~ добровольно^о вознама^и
такихъ падений, не только не вво-
дило на широкую, торную дорогу,
но наоборотъ заводило въ непрохо-
димыя доорки, изъ которыхъ не было
никакого выхода. И если Милтони-
съ все же шелъ впередъ, то исключительно

лишь потому, что все пути назад
 были ему заказаны. Но он не сом-
 нливо чувствовал, что, разуме^я
 обманув себя, что он идет и идет,
 пошел, не зная, куда придет. ✕

В этом отрывке по отъ Сократа-
 по крайней мере отъ того Сократа,
 имя которого вписано на стра-
 нице истории. И Толстой цитирует,
 и Толстой проповедовал - и в
 скотии. ✕ Мир с трепетом и
 благоговением прислушивался
 к словам ямскополянского старца.

Если бы было у современных
 людей все такое же орану^е, они
 бы повторили сказав, что Толстой -
 мудрейший из смертных. Но

сам Толстой вполне другое. ^{и не только} Знал, что не могло быть известно ни-
 кто был слабый, неопытной истории. Каким зеркалом орану^е

и что бы больше росла его слава,

тем бы слышался ^{первоначаль} он разна-

нием своего бесчестия. И, кажется,

Водя конец своей жизни Толстой.

Костить великую, мало для кого

доступную тайну жизни: слава

пути для того, чтобы иметь право

растоптат^е все. Не призрачная слава мнимая
вспыхнувшей искры,
сурового пера, а истинная, слава

мудрецов только на то и может
годиться, чтобы быть отвергнутой.

Простой рассказчик и то не,

с алу одному свойственной прав-
дивостию и искренностию в посмерт-
ном своем произведении, "отец

Сергий". Отец Сергий, монах, ста-
нцзань Насаткинань,
речь была когда ~~близки~~ ^{близки} и

гвардейскими офицерами. В то время

много от жизни - и тогда же

от фанатизма, или от "лучшей" не опроче-

нуть верою его надежды. Это произо-
шло

тогда в молодом князе - на

разсказывать не стану. Но то, кто

не читает "отца Сергия" могут

положить на то, что: в то пос-

тавить своего героя в такое положе-

ние, при котором возврат к преж-

ней светской жизни был для него

абсолютно уже невозможно. Это-ли

это в ином мире - в том

мире молитвы и самоотречения, в кото-

раи похваляють чловѣка, прихвѣ-
 стники свои отъѣзды — или нѣтъ, отъ
 этого Насаткина не могу ни
 думать, и не знаю ничего оп-
 редѣленнаго. Онъ только знаетъ,
 что для него, какъ монастыря,
 нѣтъ мѣста во всемъ обширномъ
 мірѣ. И онъ столько гонимъ свое
 новое гонимъ со мною добросовѣстностию,
 которая отлична отъ всегда въ мірѣ.
 И, потому, не скоро по достижъ на
 новоселъ поприщѣ исповѣданіи
 успѣваетъ. Онъ узнала въ Россіи,
 за сотни, за тысячи беретъ иско-
 нисъ въ монастырь Богомольца, при-
 пасленіе славы святого старца.
 Какъ это случилось
 „Онъ хотѣлъ удостовѣриться тому, что
 ему, Степану Насаткину, доводится 46
 быть такимъ необыкновеннымъ
 угодникомъ и прямо чудотворцемъ,
 но въ то же, что онъ былъ такой, не
 было никакого сомнѣнія: онъ не
 могъ не повторить тѣхъ чудесъ, кото-
 рыхъ онъ самъ видѣлъ, получая въ разска-
 заніи малыя и до пошлѣдней
 старушки, получившей зрѣніе по

его молитвы. Какъ ни странно бѣ-
11
это было тогда. Кажется, наступилъ
моментъ-полная торжества и удовле-
творенія. Можно успокоиться, мож-
но отдохнуть - въ сознаніи, что ра-
зумъ привелъ наконецъ, после бол-
шихъ и ^итѣхъ трудовъ, къ те-
лесному результату. Все призна-
ли Николаю Касаткина великими
угодникомъ и даже чудотворцемъ.
Разъ въ это время признаніе твое
Крестъ ^{хотѣ}
есть порокъ? Или гласъ народа
не естъ гласъ Божій? Въ годъ че-
го-то Касаткинъ, котораго можно
было бы заподозрить въ пристрастїи,
оцѣнилъ себя тогда расхо-оцѣнка
пришла изъвне, отъ масса чужихъ
людей. Если и они заблуждаются -
гдѣ же искать правды? ^{какого} ~~кому~~ ^{вн-}
опереться? Гдѣ нѣтъ авторитетъ
на земле, ^{гдѣ нѣтъ нелицеприятной истины} ~~кому~~ ^{которому} можно было
бы вверить великое дело спасенія
души своей? Отцу Сергѣю, уму старца

представлениям человека и чужаку
 своему видеть, что почти такого
 авторитета. Нельзя полагаться
 на себя - видишь в этом давно что-
 думал. Теперь видишь что-то другое,
 что и на другие полагаться нельзя.

Коллективное, собранное воедино,
 конечно, несравненно больше по-
 чувствительно, чем само чувство -

но его сила и глубина своих исто-
 ков отнюдь не истинна. Касат-

кино или, будучи лучше подготов-
 лены толпой, начинать воспри-

имать свою прошлую светлую жизнь.

исправляются и со своей новой, от-

шельнической и не чуждой своему

убождается, что и раньше и теперь

в своей поведении руководствовались
 вид, помимо своей воли, принимая их

директивами не вставая на ноги,

и подчиняясь распространению

предразсудков, которое видишь в конце

концов подставляешь на место

истина. И теперь видишь ясно и

в душе своей слышишь: "за тысячу

вереть пріѣздомъ, въ разстѣхъ не-
мучѣ, государо знаетъ, въ Европѣ,
въ псевдоушней Европѣ знаетъ.
Нѣразвѣтѣ это дурно? Развѣ не
должно бѣтѣ имено тѣмъ-развѣ
угодника и свѣтлоу не доиженъ
читатѣ "всѣхъ мѣръ"? Развѣ не въ тѣмъ
задача разума, что ѣ приводитъ
всѣхъ людей въ одно свѣтлоуство,
обсудитѣ иль въ одной вѣрѣ
и въ одной ^{и тѣмъ} ~~любви~~? Но въ тѣмъ и
заключался страшиной и великимъ
дѣломъ толпѣ: въ тѣмъ молситѣ,
когда оиѣ поднодилъ по почтал-
ской ому чѣмъ, оиѣ чѣмъ оиѣ,
это чѣмъ бѣла почтал. Между
св. подвижниковъ ^{къ которому} собиравшимъ
со ^{собою} ~~себѣ~~ концовъ свѣта стѣсались
толпа умиленианъ и восторгенианъ
почитатѣлей и ~~Князь~~ ^{твордеианъ} оуиеромъ
ничицѣ, уиѣициниѣ тѣмъ тѣмъ,
наѣ того требуютиѣ уиѣициниѣ

мисль обогати, и нѣтъ никакой разницы.

И пропавшіе старцы и мо-

лодой офицеры - оба служили не

Богу, а людям. Коварны разумно,

тотъ разумно, въ которомъ тономъ

потомъ видятъ божественное оружіе,

равно обмануло и юношу и

старика, Воево труда пропали

даромъ. Въ веригѣхъ на то-же

мисль, съ котораго вѣнчалъ. „Говорить

ли вы поставленіи людей, простъ

благословлялъ-ли, молится ли о

болящихъ, давалъ-ли советъ лю-

дямъ о на правленіи ихъ жизни, вѣсн-

шавшъ ли благо дарованъ людямъ,

которымъ вы помоги, либо не-

спасли, какъ ему говорили, либо

поучали, вы не могли не рожд-

бавшая отъ васъ, и тогда не зовутъ и

опосредствіемъ своей грѣшности, 39

обвиняли ихъ на людей. Въ душѣ

о томъ, что вы были съ тѣмъ

горячимъ и яснымъ болѣе вы чувств-

ство отъ, тѣмъ болѣе вы чувств-

примѣнѣ въ „общемъ“ мірѣ, и служатъ не Богу

и вѣнчъ тѣмъ, кто поддерживаетъ ихъ

быть ослаблено, потугание бо-
тескою свята и т. п., поражаю
въ нелч. „ Кое-кому то, что и
угодил, для Бога, кое-кому для
людей? „ Вотъ вопросъ, который
потомъ и получилъ его и на который
онъ никогда не могъ, что не могъ,
но не прощавая отъ тѣхъ сест.
Онъ чувствовалъ въ глубинѣ души,
что для воли подлиннаго вселен-
наго для Бога грѣшитель-
ности для людей. Онъ чувствовалъ
это, потому что и въ своемъ сердце
ему тѣло было, когда онъ отря-
вали отъ уединенія, тѣло онъ
теперь тѣло было его уединенія.
Онъ тѣло тѣмъ построителемъ,
устанавливалъ отъ нелч, но въ глубинѣ
души онъ радовался и, радовался
тѣмъ восхваленьемъ, который и
„
окружалъ его. Можетъ ли въ сест
представитъ, чтобы Сократъ, Пла-
тонъ, Маркъ Аврелий или кто-либо

изъ современныя мудрецы и вели-
кихъ людей - Кантъ, Гегель, Гете -
сказалъ о себѣ что нибудь подобнаго?

Вспомните, что въ ту пору жизни,
когда писался, отъ Сергѣя, Мопса¹¹
и въ самомъ дѣлѣ и своимъ про-
бодѣмъ, и своимъ личнымъ тру-
домъ. тѣмъ много дѣлалъ, и не
редко кому доводилось дѣлать.

Вся Россія, вся невзбурившая Европа,
даже и эгоистическій міръ ея трепеталъ
и волновался и прислушивался къ сло-
вамъ его - а онъ находилъ время
не только хлопотать о денежной
помощи голодающимъ, но и самими
его утѣшительными словами, утѣшалъ
несчастныхъ и слабыхъ, поддерживалъ
преступниковъ и т. д. Кроме этого,
если кто былъ вправѣ по законной
гордости радоваться плодотворности
своей дѣятельности - то только въ ро-
мани онъ. И вдругъ въ то гор-
дости - такой ужасъ предъ самимъ
собою. Не вздумайте - ради скорого

1) главный вопрос — ^{"св} объективный ли
признаний. ≠ ^{попала} слова ^х смирения не ^{только} того. Не

говоря уже о том, что тайна истинного смирения далеко не разгадана людьми — зрясь прямо читать советить о другом. Прежде

всего забудете о покойн. о. Сергѣ.

Ако, что молотом о себѣ разска-
зываетъ, о своихъ грѣшностяхъ.

и о себе оно говорит, что гласно

поднялись все со двора тѣловою

диз. Бора градишно стило гучиш-

ген. П.е. - знаю, что мы тоже

то есть вопрос о человеческой сущности

на тоноте дубини - но, или во

состите иди и ватру за мулти аки

и тѣмъ, кто оу сродни, вѣнъ нужи

Путь на все готовит - и так

Нормитъ погоды, устриваетъ

становится, что имамт просто и

Большинство, поддерживающее правительство —

gesamt mit einer grossen Menge an

его нагнать дворов. Возможно-ли

И вообще не торопитесь со объяснениями —

и до кьто большого врана испану, селм.

объясненіи.

чтобы эти были твои? Невозможно —

наше сердце, наше разум, все, что
есть в нас человеческого возста-
ет против этого. Но измощит
ничего нельзя! Невозможное стало
возможным. Точной сказать

можно, что подлинно жить грядет
жить для Бога грядущимостью
— даже самой полнотой —
для людей грядет человек тогда
но по паузе грядуща. Почему

тако? Ма пока отложить ответ
на этот вопрос. Ужасно только

на одно. В той минуте когда
Точной почувствовалось, что пред
Богом может быть дурно то,

что пред людьми несли или
осоромо, все спуталось в одно дурно.

Что все грядет, чтобы быть угод-
ным Богу? удовлетворительности
дать ответ на

Этот вопрос — так сказать что
нибудь такое, что было бы достаточно
индивидуальным или общечеловеческим —

Какъ коллективнаго разума,
Какъ отъ тѣхъ оныхъ уже не мож. быч
^{перх}ступилъ въ ту черту, чтого чело-
вѣки възлагаютъ что нибудь раз-
лихастъ. Его окружили ^{еще сразу обитали} непроход-
ная тѣнь, къ которой онъ-го
онъ поръ привакии въ свѣту и
Большее всего въ жизни цѣливи-
свѣтъ — не только не мож. разоб-
раться, но въ которой, можетъ быть,
вообще безапелляционно предприни-
мать что бы то ни было изъ того,
что ~~вообще~~ предпринимать люди,
пока они идутъ въ свѣтъ.
...», вы стѣишь молитвы Богу.

Востокъ, Каро Небесный, Утѣши-
тель, Души истинна, приди и все-
лишь въ насъ, и очисти насъ отъ все-
кихъ сквернъ, и спаси, блаже, души
наши. Вѣнчаи отъ скверна глава
младенковъ, обуреваемыхъ мачи ^и повѣ-
рили вы и исполнили, сколько
ради онъ молится отъ тѣхъ и

Какъ думаетъ всево,
Дави думать, неслѣд. Вндо ил
и думать ^{или} привакии лишь пологонъ,
поскольку мысль нубна для дѣла
А тутъ дѣла нѣтъ и бѣдъ и
мобетъ. Знаютъ и думаютъ нубно
но иному: только ладотѣ предъ
собой и с

Наша молитва была до сих пор
 в таком отношении к молитве.
 Молитва его была чужда для
 других, но для себя он не мог
 впрямую у Бога освобождения от
 той ничтожной страсти.

XII

За извещением преданиями

Ни добра дела, ни молитва ни
 помогают, как ни помощи не
 есть тому какому молитву

могли о том, о чем и т. д.
 отвлечься от страшной ^{образов.} ~~матери.~~

Внутри его, в его жилах — все
 уверенной души образовалась огром-
 ная беспечная пустота. Ни одно-
 го живой мысли, ни одного живого

чувства — все умерло, крохотный

оник. „Он спросил себя, любит

ли он кого, любить ли Сороку и

побну, отца Серапиона, исповня

ли он чувствую любви но все же

этими лицами, обвешивать у него

пыль — не тому утешению

есть почитать или такое почитание

бесполезно, заботясь только о том,

BI 114 (887) (milieu)

Нобис ^{потрясающее} ~~страшное~~ откровение: душа, всякая ду-
 ла и короче и дурно, равно не была.
 Это значит в „общем“ мире душа чуждая,
 так же как различная и душа хорошая и дур-
 ная. Мани пишут о том, что свет, но
 свет света и отливает хорошую от дурной

BI 114

чтобы показать свой уми и не-
отстоятость отъ образования. Ему
приятна, нужна была любовь отъ
кого, но въ немъ любви онъ не
чувствовалъ. Не было у него теплоты
любви, не было и стирания, не было
и чистоты. И эти послы чувст-
вовъ люте трудной, подвижни-
ческой жизни! Кому могло все
это случиться и въ эти постыли

Не великий размахъ такое в
себя

Можетъ ли такая мушкетерская
жизнь? Говорятъ, что читатель не
соглашается ^{но} верить толикому,
заподозреть его въ душевномъ
преувеличении. Еще больше есть
оснований опасаться, что чита-
тель устанетъ слезоватъ въ томъ-
то безразличномъ страствовании.
Странно по безропотности, истинно-
хочимъ и чувствительности. Зачемъ онъ
терзаетъ себя, зачемъ поименно
терзается соими? Кому же по-
чему? — Тотъ, кто усталъ,
вправе отстоять и уйти

въ иная, боится пріятнаго мѣста.

Мойнѣе и горюча душа Моегого

бравство и отставивши пойдутъ
на пользу! какъ прежде, только и

теперь Моегого бѣда и будетъ въ

волшебникомъ и чудотворникомъ

всѣхъ, кромѣ себя. Онъ до конца

жизни не перестанетъ учиться, у

него и после его смерти будутъ

учитвля и про его душа пересиде

станетъ разсказывать много не-

обачнаго. Но всако, душа себя онъ

уже знаетъ, что къ его разуму,

и его моральная сила ему ничто

дать не могутъ. Что бы онъ не

говорилъ и дѣлалъ - онъ видитъ, что

люди онъ можетъ разсказывать

много для него очень важнаго

и полезнаго - для своего спасенія

у него отомого одно: бѣжать, бѣ-

жать, и бѣжать. Бѣжать бѣ-

отъ души, не вспоминая того, что

отомого позади его и не разска-
зывать ^{его ждуть} того, что впереди. Но силъ,

на котораго онъ разсчитываетъ, 43-

и такъ же боится вѣдъ

молитвы ему. И отец Сергий, пред
метъ поклонений России и Европа,
бело мира бьютъ, переодетые въ мужичье
и въ свои кельи. И точно затопи,
чтобы совестию сбить съ толку
и бже того растерявшегося
тоска, Молитвой рассказываетъ
это святой старецъ, передъ тѣмъ,
накъ убогаго, соборнаго и
ное и безмолвное поручение
каждъ привешенной на кресту ^{дьявола} отъ
издавна болель пробушкой по
и дѣлать. Купно бже то при
думавать? Вроде повторное в
отъ той Молитвы непови
заче на испать на себя, взо
вать на себя на красноту. Купно,
несомненно купно. Молитвой не
повиновъ въ той изустности
по бже Висновитъ рассказываетъ
судное о другомъ великомъ по
блжженн. Не знаю, вспоминая
Молитвой, когда поговаръ о Сергій

такохъ распушеннхъ неспешагободнхъ?
Молитва бже
Бывае и такая иогна —
зотъ о ней, ничего въ учебникахъ
и рассказываетъ.

о Достоевском. Но, неслыханно,
 что, когда воспоминания развернули
 перед ним нескончаемой свифто
 прошлого — он убедился, что
 задуманное преступление не
 отзвучит ^{ровно} его. Может быть —
 страшно сказать. — Обсудить
 его на том же новом пути, ^и ~~на~~ ^{он} ~~которому~~
 он был призван Иезиди по
 воле. Раздать, отца Сергий или
 еще конец — т. е. он, с литера-
 турной стороны удовлетворить
 общему требованию завязки
 и развязки. Развязка в том,
 что отца Сергий, уйдя тайно
~~от~~ из монастыря, отправи-
 лся в скитания и доходит
 до Сибири, ^{или} ~~или~~ ^{по} ~~по~~ ^{заключен}
 у богатого купца и теперь
 там встает тайна. Он работает
 у богатого купца и ^{учит} ~~теперь~~
 грамоте и подит в больницы.
 Я думаю, что в конечном счете,
 такой конец все равно что

отсутствии нонца. Разве в Сиби-
ри, ^{богатая} убожества нонца толико-
ское положение по нонцу? Разве
"отец Сергий" - последнее слово Мос-
тону? Конечно - не последнее. ~~И~~,
~~заявляю~~ что на занятии у богатого
нунца среди работ в озеродке, пре-
подавания греческого и украинского
богословия, Мостовой мой так же
мало найти удовлетворений, как и
в своей старой семье в постыж-
ной борьбе за свою ^{загадочную} ~~правду~~ правду.
Иначе, ведь, все рассказ ^{должно} ~~было~~ ^{идти}
построено ~~на~~ по другому плану.
Нужно было бы три строки
написать про притворную жизнь
и притворный социализм и отдать
все это под описание, новой
жизни. Но об этой новой жизни
Мостовому нечего сказать. Приве-
дем ^{поблизкому} три строки ~~просто~~ ~~или~~ -
~~можно~~ занять собой множе-
ство или вопросительный знак.

Разве эти строки, о которых
он нам рассказывает, не живут
и в Сибири или там групп не
беспорядка?
такие настоящие?
BI 115-116 SV

Или, если хотите, это прива-
 ный расчет о „Богослов-
 ных урдуи — разумных, предви-
 жимых, чтобы всякое начало имело
 и своей разрывающей конец. Открыто
 Толстой никогда не роптал от-
 называть разуму во повиновении.
 Открыто он никогда не говорил
 и не мог сказать, что живет
 не в свете, а во тьме — как
 оно было на самом деле. Дома
 в неопытных рассказывал, в де-
 лах он прежде всего, подви-
 жим, вытиснул отом, чтобы
 ни у кого не возникло подозрения,
 что он, Толстой, идет — не зна-
 нуда. Он, ~~как~~ ~~мо~~ ~~видеть~~, во-
 всем обвинял себя, он рассказы-
 вая о себе то, чем может и
 о других человеках никогда о себе не
 рассказывал. В „Исповеди“ он
 признавал, что „Войну и Мир“ и
 „Анну Каренину“ он писал
 лишь о том, что он и

депозит, слово и истина. Вспомни
Сергий он признался, что и все
его учительство, побуждение, обновление
мысли и учение поистине, возникшие
поистине покаяния, была неслучайно
не лучше, чем он променял. Себя
он вдал в оковы с головою — но
„божественное оружие“ свое он
защитил от всякой силы, только
его „разум“ был уже не ис-
ключен из частей его самого. Можно
все ~~в человеке~~ потому что так
остерегаю разум и виденье в нем
non me tangere? Я думаю, что
этот вопрос представлял особую
большую интерес. Вряд ли конца
ночью, оберегая то он свои
разум только по слову. Мудр
может быть сказала предприн-
имая — приважен, неслучайно,
писателю вливает новое вино
в старую меху. Но вопрос си-
когда пройти линии того чиста

Может быть, что-то да еще кажи-то
даже и не рождал. т.е. еще не рождал
разуму. Сколько, неужели? „убийство“ и
нет в силу „потупления“ законом природы.
Когда Декарту открылась его „великая
погрешность“ — он ее
вспомнил тот же Декарт с
и его великие постижения — родило, его
так. Вряд ли можно великое, величайшее
было погрешение. Но разум убил его.
Вряд ли Декарт ^{убил} и при этом не обра-
кабливался — так он же воспринимал, как
методологический принцип: de omnibus
dubitandum.

работы и неповинна, поэтому, ни
в чем давать отчет людям.
Простого измученного человека - буду-
щего поэта. Назависла же, при та-
ких условиях Толстому и писать
не о чем. И, если бы в самом деле,
Толстому были свои собственные
выражающие чувства по отно-
шению к разуму, о которых он так
часто и громко говорит - то ему
бы и писать было бы заманчиво
рассказ на такую явную неразум-
ную тему. Человек умирает -
его нужно похоронить. Разве не
праздник любушество - похитри-
вать и подслушивать, что дума-
ет и чувствует человек в это
в такое случае суд разума
ни? Толстого ~~это~~ выра-
ли мало не без похитить. Когда он
писал "Ивана Ильича" или "Козина
и Работника" он тем же всего проба-
рыло свои права на такую необа-
ную любушательность, Толстого.

Для них и вопрос, что значит "сам себе
управляться". Импрессионизм или обесценил
большую часть - не "глаголет" и несли его
не направил в "глаголет", бы "думает"
в том и только о том, что абсолютно
сфера его влияния.

то бы не говорить Бергсон подвиги
все же конн рою тою же разумом, ко-
торой, конечно, оставался в пределах сво-
ей компетенции, кем бы то да было не ис-
тину, а что-то, приходящее для души.
Чтобы получить истину, человек дол-
жен стоять в такой позиции, когда
ему нечего глаголет, ~~и философия~~ ~~стало~~
~~быть, да и не приходится искать та-~~
кого можно только понаблюдать. Доб-
ровольно люди от себя себя не отча-
иваются. Все убеждено, что, если нече-
глаголет, то и платит жить, когда
он прилагается выбирать между истиной
и жизнью никто не колеблется. Там
что, если бы люди были предостере-
жили себя, то они, повидимому
начали бы видеть лабали бы дабы
нужно существовать и жить бы

значит или чувствовоу а такіе
часы, что покорность боготу-дн
него уже не может быть доури-
дотилью, и что даже собою верше-
кой разумъ боготу не имаетъ
надъ нимъ власти. Боготу: онъ
чувствовоу, что все смелъ поднзе-
мался въ его думъ необтннан
богнелн сводится по тому, что
оспоритъ у разума ^{незаконно} ~~староверка~~
имъ сего ^{первобытн} прерогативы. И Иванъ

Иванъ и Грешновъ — оба умирающіе
въ величайшемъ одиночествѣ. Молчали

умиленно отрѣзываетъ имъ отъ

божь людей и отъ всего міроуки-
новъ, въ которахъ они черпали ^{ютѣ обаяковенно} ~~проде~~

силу жизни. „Неловко было себя обна-

живать: что-то страшное, новое

и такое значительное, чего значи-

тельности никогда не было въ Ива-

новъ Ивановичъ, совершалось въ немъ.

И онъ одинъ зналъ про то, что на

окрутающіе не понимали или не

хотѣли понять этого и думали,

„

что все идетъ по прежнему, жить

въ томъ характеру, оуе приносилъ Анолѣмъ 61
одежъ. 61/1

Разумъ нумаетъ и посылаетъ, пока человекъ
живетъ вместе со всѣми, пока, ~~внѣ, вѣне~~
~~тѣхъ дружнахъ~~ общае жнть въ обществѣ
мірѣ открываетъ широкое поле дѣйствн:

по В. I чр 122 § VI

так, на краю позитивного блага
одному, без одного человека, кото-
рый бы понял и пожалел ее.

Мало того, что никто не хотел
понять и пожалеть Ивана Ильича-
она стала для всех, самых даже
близких людей - для сына и зятя -
тяжелой и раздражающей ^{обычай} посыл-
кой. Никто не верил и не мог
верить, что от Ивана Ильича
происходит что-то столь страш-
ное, новое и значительное, что зна-
чительные никогда не происходили
в семье, как не верили и домога-
ли Николай Ивановича, когда он
разсказывал им про свои откры-
тия. Все было глубоко убеждено,
что Иван Ильич неправомерно, при-
чем своими капризами
мо преступно нарушает заведен-
ный и привычный порядок жизни.
Нельзя было и возмещать в театре,
и устраивать дачу, не покупать
карты и т. д. Нельзя было остано-

и боюте, но еще больше разуряются
болюного. Въ нихъ онъ видѣ^{ит} прояв-
леніи твердан и непоколебимую
убожденій, что въ рукахъ господина
нѣтъ и не можетъ быть грусти
средствъ помочь ему. И^ити ^ибо^ие
всего возмущаетъ въ немъ то воспоминаніе
того внаго, буйнаго и, ^{накѣ вѣли советомъ} ~~непослуш~~, ~~посра~~
бедливую ^{возмущеніи} ~~раздраженіи~~ противъ
всѣхъ людей, которое создалъ мало
по плану кощмарную атмодеру
вокругъ постели Ив. Ильича. Онъ вѣнъ
грубо, почти непристойно и безъ
всякого повода обижаетъ и жену,
и дѣтей, и порекомендованъ, сурово-
но и сурово вѣнъ, и навѣщающихъ
его врачей. Ив. Ильичъ ^{добавляетъ} требуетъ
еще много невозможнаго. Онъ хочетъ
чтобы они, вѣнъ, а не чинъ при-
нати тѣ новос и подвѣнъ, что
онъ имъ проинудитъ за какое
важеніе, что вѣнъ на равнѣи,

Имъ еще мало того, что они сами
убождены — они настойчиво требуютъ,
чтобы и Ив. Ильичъ, несмотря на
всѣ свои внутренніе переживанія при-
нати, что ихъ требованія разумны —
либо разумно только то, что вѣнъ
таковому признается. Они хотятъ
доказывать, что боясь смерти
въ лицо смерти, тотъ тѣ, что И. И. тѣ,
или и прежде ^{опытованъ} ~~опытованъ~~ и не зная тѣи
смерти.

чтобы издать эту новую книгу, все просили, все ждали и

близитъ къ нимъ, горзучи возстанетъ

против существующих во всем

міром уряди, ^Уно ^{охраняючіе не хотіт}
^иотизе ^{заговори}и
 могут. ^Уни ^иотіе ^ини ^ини, ^ини

вдохновения на такое грезение

и Гало и у самого Ивана Иосифа

до сего болоту. Курмановой чело-

всех степеней только тогда, когда

онъ ищетъ вознагражд. за бѣдѣми и

со всеми, когда и общественная и космическая

пришло его подкрепление. Малинов

разрешают или погробу

всю преднюю жизнь Ивана Ильича.

бух не только из германе 605см

ванъ противъ законовъ природы —

онъ Голубовъ вскорѣ изрумянитъ

заведения по готовности приехать;

гласе законов прилич. Утѣшил

Ольга Грога на погребъ ^{направлении} крестъ въ промѣ

Решения и условия из пути
ночь и друзей

и въ тѣхъ вѣрѣхъ вѣрѣхъ ^{и въ друге} ^{есть} особнѣ дѣлѣ, съ

изъяснение. Менее, по-

✓ и.е. и быть, а в свой черед, приваля думать
что, если онъ правъ, то его правота обя-
зательно вѣчно поддерживать сл. Кра-
вотн, ~~бже~~ испризнаюся, и потому не
поддерживаю ану и права - да и
правота или нѣтъ?

стр. 50.
страшней, ужасней оцѣнокъ и управленій,
онъ видѣлъ, были окружавшими онъ
больш^н возведеніи на степень случайной не-
пріятности, отчасти непримиримой...
низведеніи тѣмъ самымъ примиримой,
потому онъ случился бѣсовою пачкой

12110, оны се утасичи омирова-
 етсе на свое еще педагогиче про-
 лсе. Во своемъ дору подоудитъ
 ветою подч одну ~~оно~~ въ своей го-
 товности ^{самому} и ^{и другимъ подчинит} ~~и другимъ~~ ^{заведени-}
 му порядку оны видятъ неблажен-
 вие, а проклятѣ и потѣла бѣ,
 чтобъ и другіе это увидели, ин-
 тересны, чтобъ и другіе такъ же
 увидели, какъ и онъ. Вся прошлая
 его жизнь привела его къ тому убои-
 щию, что только нѣ истинно,
 что признается всеми людьми,
 къ признанию чего можетъ быть
 великіи принужденіе. Теперь же и
 ясно, что его "новое" и въ хомъ
 не возбуждается не только ^{признаній, но и} ~~согласіи~~,
 востанъ, крохотъ него ясно, что ему
 нужно и дѣти по стару, ну же
 уступитъ себѣ ради торжества
 и подруга кохому нѣ востанго и
 безличнаго стѣра и порядка, ради

того разума, который и собою Ивач
^{океанов}
 ильич (прославляя, как единственного

своего, как единственной иста-
 нной мудрости и справедливости. Да

он и теперь внутренне продолжа-

ет считать правым не себя, а

окружающих. Если бы ему можно

было, он бы величайшей радостью

жил так, как они возмужали

бы в суде, в театре, вельда беге-

ние разговора, играли бы в винт

и т. д. И вернуть все это ^{ему} ~~нельзя~~.

Мать на порогах, который так ^{по подражанью}

недавно ~~разрешал~~ ~~се~~ ~~так~~ - теперь обратил противу нем

безжалостно все за прощает - и

используя не стесняется таким ^{поглоща} ~~предательством~~

превращения, даже не находит

нужного привести в свое обра-

жение как бы то ни было ^{объясни} ~~сообра~~ -

нестие. "Если мать - теперь так

ни проща, ни убога, ни помы

нут. Он извернулся из своего рокового ^{общая мира} ~~из~~ ^{из} своей природной, сестрен-

ной инстин

го, который он так любил и

в которой так вращал. Ветер и

- и в том бесчестие его похотей -

Он от того и так страстно не

навидит, что чувствует и право

и силу, ограничивающую право, но и

сторону.

путь и вернуться в сторону отцов
своих, на старое родное поселение
ни к чему не приводят. Там, где
он Гай равноправный и полно-
правный человек - он оказыва-
ется лишний раз в прав. Но
законы, которые он поддерживал
всегда теперь возстали против
него и с той же силой против
которых прежде он же сам
приводил в такие восмущен-
дига vox sed vox. Трудно признаться И. И. не может повторить

Ивану Ковичу, что происшедшая
в нем метаморфоза - есть уже
последнее, окончательное. Ему же

кажется, что там быть не
может, что ^{его} просит.
тот, что ^{что} он еще вернется к пре-
жнему ^{бытию}. О нем так же

возвратиться к прежним ходам
мысли, которые прежде заключали
преддверие к его преддверию и счастливо
но - страшное дело -! все, что
прежде заключало, он равнодушно и ничто

нако сознание смерти, темное чувство
не могло производить эти движения.

Последние время Иванъ Ильичъ
большую часть проводилъ въ тихой
попытке возстановить прелесть
погибшаго чувства, заставлявшего смерть
то оно говорило себѣ: „Зачѣмъ
случилось, почему я жилъ все это.“ И
онъ шелъ въ судъ, отходя отъ
себя всякимъ соображеніемъ; въ ушахъ
въ разговорахъ товарищескихъ и
садились, по старой привычкѣ, раз-
стоянно, радужившись взглядомъ
окаймленной тѣни и отъ инстинктивныхъ
руками опираясь на руку
дубового кресла, такъ все, какъ
облажилось, переживалось въ това-
рищѣ, подвигая чужое, перемеща-
валось и потонуло въ другъ, въ дубовый 45
мозаику и при этомъ усталъ и боялся,
произносилъ извѣстныя слова и начи-
налъ дрожать. Но вдругъ въ срединѣ
боло въ боку, не обращая на нихъ
вниманія на периодъ развитія
добра, начинала свое сощис-

гной. Ибоже Иович пристуки-
вался, отгоняя мысль о ней, но она
продоумала свое и она приходила
и становилась прямо передо мной
и смотрела на него и онъ стои-
л, о томъ тучъ въ глазахъ, и былъ
онъ ^{начинал} опять спрашивать себя: не-
теши только она правда!? Не-
ужели только она правда! И
вотъ старая правда - иль было много,
и ласки лавины, дограв, усложни-
воисшей правда эти бани! - идути
на плечи, какъ пену, и зли-
мые ружья? Но тогда же,
на что опереться, что предприн-
ять? Неужели отказать отъ
всехъ своихъ человеческихъ правъ,
правъ разумнаго существа и ^{бачь Горьда} покор-
но, какъ бовина, ^{латинскому} ~~предъ~~ очковой зам-
ой идути прямо въ пашто 4490-
вицу. Разумъ никогда не можетъ
принимать отъ злыхъ, отъ гонимъ
себя бо впасть ^{безамаленно} (не по истинному).

тотчас за помощью и советом. Ни
самый Иван Ильич, ни кто-либо из
близких людей не в силах были
помочь. В это время Абсолютный одино-
чество и в невозможности что-нибудь
сделать, может быть, крестом самым
страшным и вместе с тем самым
новым и неожиданным в положе-
нии Ивана Ильича. Вдруг не только
люди, это противная вражда, вину убежде-
ний, сложившаяся из случаев неко-
роткую жизнь оказалась ижива-
ми и предательскими. Они припомни-
ли свое прошлое, что в нем
найти не было никакой будущей опоры -
но оно как бы вступило в за-
вершение с истощением, безнравствен-
ными врагами - оно не поддер-
живается, а оно, только внезапно и
тихо, радостного и приятного взрыва
обратилось в какие-то худобы,
доходящее до него огнем укоров и
обличений. „Как только начина-
лось то, результатом чего было

62: „одиночество среди многочисленных
городов и своих многочисленных
знакомых и семьи, одиночества, по-
нятия которого не могло быть нигде,
ни на дне моря, ни в земле -

онъ,

перепенный (Иванъ Ильичъ, только все
назависелъ тогда радостно и теперь
на глазахъ его таяли и превраща-
лись болѣе то ничтожное и зомби-
тажное... Мелкота... только неохотно,
и разочарованно, и запальчиво изъяс-
няя, и это чувствуется, прит-
ворство! И эта мертвая служба,
и эти заботы о деньгахъ, и только
горя, горя и дряблѣ и фальшью и все
тоже. И, что дальше — то мертвѣе.
Можно равнодушно и идти по
гору, наоборотъ, что идти на гору.
Тамъ и тамъ. Въ общественномъ
литературѣ и идти на гору, и ровно
на столѣ изъ подъ меня уходитъ
на жизнь... И вотъ готово — умираю»

Машина, какъ неизменно толстою
подходитъ къ огромному. Обществен-
ное мнение, т.е. сложившаяся вѣща-
ли убѣжденія о томъ, что короче,
что должно, что призываетъ къ вели-
чайшей, истинно всеобщей соб-
лазнь. Въ «смерти Ивана Ильича»
предъ нами исторія ересь и руки
жизни и ^{иному} можетъ показаться

что именно потому что пример-
типа могли быть такими и други-
ми, что это личная, индивиду-
альная жизнь не проща на ка-
лежащей высоте. Это, если бы Илья
Ильич был бы в жизни не таким
ордиINARYным, ему и умирали бы
баче. Могли бы даже уми-
реть легко и со спокойной совестью.
Недаром же говорят, что спокойная
смерть есть награда за ^{до греху} ~~жизнь~~ жизнь.
Но эти соображения здравы не являются.
Молитой не ^{об ординарном} ~~бы~~ ^{об ординарном} ~~повнимать~~ ^{повнимать} ~~раска-
сает~~ <sup>раска-
сает</sup> ~~нам~~ и не ординарный чи-
новник он занимает в расказе.
Моя политиче-ская ртца Сергій. Несом-
ненно что фигура колоссальная,
и темъ не менее Молитой заема-
ется он при жизни испытать
бессмысленную, которая вполнѣ
на долю Ивана Ильича предъ-
смертью. Это-же одиночество, полнѣ
которого не даваться и не жить
морю, темъ же утас и та-же
безосновность- невозможность

что-либо сделать для собственного
 спасения. Нам же ни странно
 для человеческого обаяния
 разума - ни Толстой не мог все
 делать ^{выделять} (оправдывать) тогда
 людей, которые принимают возмуща-
 ющую. И прошедшие отца Сергий
 и обаяние человека Илья
 Ильича на грани иного божия
 становится равно безразличия
 и безразличия. Илья Ильич
 потому что, как только прежде
 " -
 хорошо, приятно - но в то же время
 Сергий прожил всю жизнь в труд-
 ных подвигах и, как и сам
 Толстой, справедливо считал
 благодеянием человека.
 Но перед лицом новой гримасы -
 телесности ^{всего и каждого} ~~существования~~ Илья
 Ильич и подвижник отца
 Сергий как бы, или становится
 организованным. Знаю, как люди -
 только человеку барвент у себя
 такое признание, знаю, что он
 и тогда на все державшие герои
 отступают перед той бездарностью

столько "сделавший"

- для одного себя

в той промывке иуда
 приводит Толстой своего героя
 этого отличия при грешном
 светом личности стирания

жить, если я не погублю
 вавилон, что ему ^{не} дано ^{сделать} было ^{возврата} —

неблизко вадатую ученик миром
 проповедь великая апостола, как
 и тобою именем и возвышением
 возмощить спасения, sola fide
 единой верой, а не уверением.

Пусть излучает васе крест
 Ивана Илья и тою особой,
 моралистический отъездом, кото-
 рой придалъ ему, побуждением,
 умиленно и сознателю тобою.

Приче лицомъ смерти вѣдѣи гонимъ
 становиться нечаянно. Испускѣ и бе-
 снѣ и разучѣ, и обильноишъ и говѣсе-
 какъ и послѣ, которая востра наравляла
 конкретномъ пугалами, слышала, какъ
 разучѣ, какому побуждению.

„Мать что все же это? Зачемъ?”

Не можетъ быть! Не можетъ 61

быть, что бы мать безмолвен-
 на, гадна была жизнь? А, если

точно она такъ гадна и безмолвенна

мать зовѣть не умираю и
 умираю, страдаю? Что нибуди,

да не такъ. Можетъ быть

или не такъ, какъ должно? Прихо

дилъ ему браться въ голову. Но,

какъ же не такъ, когда я думаю все,

какъ отбывает? говорить онъ себя

и тогда же отгонялъ отъ себя

это единственное разрешение всем
загадки жизни и смерти, как совер-
шенно невозможное. Теперь ты хочешь
теперь? Жить? Как жить? Жить,
как ты живешь в суде, когда судь-
бой приставь, провозглашается: „суд
идет!“ Суд идет, идет суд! ^{пов-} ~~вскри-~~
~~кнул он с собой.~~
~~Нужно он со злобой.~~ Вот он суд.
Да и те не виноваты! Вскрикнул он
со злобой. Зачем? И он перестал
плакать и, повернувшись лицом к ста-
н, стал думать все об одном и
том же: зачем, зачем все это
участ? Но сколько он же думал,
он не нашел ответа. И, когда
ему пришло, как она пришло
на эту часть, мысль о том, что все
это происходит от того, что он
жил не так, он тотчас вспоми-
нал всю правильность своей жизни
и отгонял эту страшную мысль
Этот отрывок может быть подан
поводом думать, что все загада-
тельное во „справке Ивана Ильича“
определялось с помощью дискреди-

мировать в глаза читателя
 прошлую жизнь своего героя. Можно
 тот судъ, о которомъ здѣсь идетъ
 речь действительно пошудить из
 который творилъ самъ
 тотъ судъ, презоритъ котораго данъ
 при жизни Ивана Ильича и точно
 задана этого гражданскаго право-
 судъ, когда и задана всемъ извѣстна-
 в правосудіи великаго, состояла
 въ томъ, что въ отъясненіи виновности
 отъ правды по отъясненію на всегда
 установленіи нормамъ, и воздавать
за нихъ
 всемъ по заслугамъ, Но маузе
 на припрятъ отца Сергія.
 Бидили, что, если у этого суда есть свои
 нормы - то они не имѣютъ ни-
 чего общаго съ нашими чловѣчес-
 кими нормами. Для этого суда
 нѣтъ правды - все виноваты, и
искусный всегда, пріятно
 посредственный Иванъ Ильичъ и отру-
 бивши свои пальцы, добровольно при-
 знаніи на себя тяжелаго отъ по-
 кающейся жизни Стѣпана Касаткина.
 Этого признанія требуетъ новый
 судъ отъ Ивана Ильича. Признаніи
 не въ томъ, что онъ данъ неправды

и что, если бы онъ иначе жилъ, онъ
спертъ не боялся бы такой страшной.
Судь добивается отъ него отъхода
отъ всякого права судить о добромъ
и зломъ, — не онъ одинъ виноватъ.
Въ своей жизни не правъ... Хро-
мится (спертъ) не взы. Но, кому
бы понять, зачемъ это? И того
не взы. Взыскать бы можно бы-
ло, если бы сказать, что я живу не
такъ какъ надо. Но этого — то уже
невозможно признать, "говоритъ
онъ собою себе, вспоминая всю зако-
нность, правильность и приличие своей
жизни. "Этого ^{то} ~~уже~~ ^я ~~допустить~~ ^х уже
" невозможно, " говоритъ онъ себе, уясни-
ваясь губами, какъ будто бы кто
небось могъ видать такую фигуру
и быть обманутымъ ею... Кому
объяснить! Мучение, смерть...
" Заявилъ. И, ввиду Ивана Ильича правъ
его на законность, приличие
и правильность своей жизни. Но

если бы такой публической ислаской врач
исцелил его, поставил бы его покая
на прежнем месте и вернуть его
к жизни - он вновь принужден
было бы вернуться в свой старый
суд и принять ту законность
и ту правдивость, которую он
считал рабской. Я не хочу этого,
хочу, сказать, что ^{милосердие} буржуазное
идеала Ивана Ильича это обаяние
представили человеческим достоин-
ством. Но тогда дело было не в том:
дело в том, что на старом
суде, который присудил Иосифу
боские жизненные идеала не
считают из педантизма суровых
судов. И вообще, как, видимо-
му, совершенно не нужно знать,
что можно считать его и что
все основания думать, что по ничему
и не знаю. "Зачем ты идешь? и 61
Зачем отворачиваешься - и ты идешь, и ты
зачем. Давно и кроме того
ничего не было. И потому то

суровой обстановкой, внезапно пока-
рив, — но и при этом взгляде — стыжась.

Не все в прошлой жизни Иван
Иванов было дурно и не отъ всего
лучше отпадалось. „Взглядывая
тототакое
было, бы и тебе телом приятное, о чем
можно было бы жить, если бы оно
вернулось...“ . И тогда ушел то-ли

„было еще кое-что и так же хороше-
тако было все же, так же была
дружба, так же надежда...“ . Потом,
вобретая первую судьбу у губерна-
тора он и так появился хороший 60.

милути: эти были волюментами
оно бы не так же. Иначе —

тесно и „догду“, откровенно Ива-
нов Иванова на страсти

судя. Как же можно похвалить
и то догду, который, покр-

вопреки представлению, проши-

ка и даже откупаться от воров

муж. Тонкой не боялись и злого

отступит от пориц и освободит

своего судого отъ обязанности въ своих
 приговорахъ подчиняться какому
 либо готовому шаблону. Его вовсе
 царить надъ всеми обочаками и
 играками. Они разрешаютъ Ивану
 любить то, что по общему
 представлению вовсе и не подлежитъ
 моральной оценке и откосится
 въ категорию безразличную и прене-
 ставляемую
 даетъ его „Законоусть и правдоу“
 которую онъ, воздвигая въ оуффе категории
 редуся приличить осужденію какъ
 смертной казни. И, если въ вышестоя-
 щее внимательней въ процессъ Фолтубегов
 массы, въ убюдитесь безъ труда, что
 на страницамъ суда отвергаются
 все, что создано человеческимъ твор-
 чествомъ и, какъ впрочемъ цѣтой, положи-
 тельно въ основу пошлой жизни.
 Отъ этого нутно отназывается
 Ивану, ему нутно перерезать
 нити, которыя его связываютъ
 съ человеческими установлениями.
 Правильно это или неправильно
 но можно утвердилось, что для чело-

всегда и путь спасения вих того оди-
нотства, полнота которого ищет
ни на дне моря, ни на высоте. Ку
четной жизни рыбного чина и
на, — такой и была жизнь Ивана
Ильича, если ее считать по обаяни-
ванию человеческого понятия,
и трудное подвижничество
мояна или кароунаго героя —
отца Сергия, самого того-
на постоуника суда не займется
в заслугу. Оба усаждают супро-
ва ^{белозубой} приговору себя. И в постоу-
ию ищут отъ или потребу-
ют отрезания отъ того, во что
они всю жизнь втравали. И они
отринулись. Ивану Ильичу, прише-
лову голову, что то, что ему пред-
ставлялось предсе совершением
невозможности, то, что он
продан свою жизнь не так, как
должно быть, — что это могло
быть правдою. Ему пришло во голову

что это, чужд. Замыслил он похоти
 и борьбу против того, что ка-
 жется поставленным лицом счита-
 лось пороком, похоти чужд
 замыслил, который был тогда
 отклонял от себя — что они и могли
 быть как бы, а оставил ^{все} ~~могло~~
 быть не то. Это судьба, и его
 устройство жизни, и его семья, и
 эти интересы общества и судьба,
 все это могло быть не то. Он
 попытался защитит себя собо-
 ле это. И вдруг почувствовал
 всю слабость того, что он за-
 щитит. И защитит это было
 перелом. „А, если так — скажи
 мне себе — и я уже все из жизни
 с сознанием того, что поубил
 все, что мне дано и поправит
 перелом — тогда что-то? Он лег
 навзничь и стал соображать по поводу
 переживания всей своей жизни. Когда
 утром он увидел ланч, потому
 неспу, потому что, потому доктор —
 когда он увидел, когда он
 слово подтверждал для него

ужасную мигрень, открывшуюся ему
ночью. Онъ въ нѣмъ видѣлъ себя,
все то, что онъ былъ, и ясно видѣлъ,
что все это было нѣтъ, все это было
ужасной, орошающей обманъ, закрыва-
ющей и жизнь, и смерть. Это созна-
ние увеличилось, удалось терять со фи-
зическимъ страданіемъ. Онъ стоялъ
метнулся и обдерживалъ на сѣть одеж-
ды. Ему казалось, что она душила
и давила его. И за это онъ непа-
видѣлъ ни. На этомъ еще не

кончается описаніе страшнаго
суда. Иванъ Ильичъ много уступилъ
но еще не все. Главнаго не уступилъ.

Это все еще продолжалось тѣмъ
въ прошломъ, онъ, хотѣ и видѣть,
что возвратитъ нѣтъ, что пришелъ
Иванъ, все концы, онъ хотѣ утѣшиться
что онъ прежняя жизнь была одиной
сплошной лотереей, отбратившей и
и позорной — но онъ все же не можетъ
съ ней разстаться: неизвестно с буду-

щее ему кажется более страшным,
 чем же жуть и дурное, но внятное
 прошлое. Все еще — жуть уже только
 в момент разжимания вихря исто-
 стая признание, что, «жизнь его была
 хорошая», «и это — то оправдание —
 носить вину едва ланкоче и не усту-
 пать и признаний — своей жизни,
 говорить тождой что было и не
 пускало ее впереди и только все
 мучило ее. Вдруг какая-то сила
 толкнула ее вбок, еще сильнее
 сдвинула эту дилемму, она проба-
 лачив в дору и там в конце
 дора заветилось что-то. «Пос-
 тодний, и уходящий хромом
 в неизвестность — то движение,
 на которое сама Ивань Иович
 никак не могла решиться сдвигая
 за него пока не была сила. Подобно
 тому, как паче переход из не-
 ботии в ботии происходит без
 — может быть и неслучайно
 нашего участия, так и переход
 от жизни к смерти требует
 властной вмешательства нового, незнакомаго
 непостижимого для нас, но и потому

Не своими заслугами, не своей силой —
 вначале
 выбравшись Ивань Иович из своей пре-
 «подхвонца»
 «приятной, потонувшей утасной жизни.

Mountain ^{my} 6646 4360 m v n n

одиночества, ^{тут} ~~ты~~ отрывает от
отъ людей и міра, о которой разска-
зываетъ легенда въ смерти Иве-
на Ковича, и о которой такъ мало

Знаю, что могу, ~~хочу, чтобы~~ по
нужно
~~увлечь в себя~~ увлечь то, что увлеч-
но
го, чтобы научиться
и двигаться непрестанно
искать во всем, где, пообщаясь

утождении словъ ничего противъ и
ничего быть не можетъ — главное же,

ke movent's thing nuxxur nymal

и никак не поддаются ветру, и

Моя же задача это распознать как

толстой в сироти и влася Иова.

еще разнице от монеты, что и цен

не знает, и зная не хочет верить.

same R_{75} as above a further 100,000

является из печати через десерт

сестра посылать Сидорова в Москву по делу.

Внушечки

mans. Thus no nonuniformity

жизнь опостылила до неважности
и во душе его оттаяла проясняется
любовь и врага во неважностное,
только неважностное, о котором
по неважностному и судить нельзя,
о котором ~~еще~~ и вообще нельзя,
не нужно судить - которому
нужно ответить. Вынуть из
этой жизни лишнее пережить

и пауги тѣмъ пауги тѣмъ на пещи въ суну
и возлюбитъ его вѣнчикъ сердечный своихъ
и всей душию.

XXIV

Внутренне
Содержание: "Поэтика и Риторика"
также будет по полемике

содержание смерти человека, то что
привести к высшему постижению
оба рассказа, являются разными ва-
риантами на одну и ту же тему.

Видно одна и та же мысль, одна и
та же задача выдвигали мыслители
с того времени, как они были введены
в то приобщенной кисти титли отирались,
которое им описано в "Записках
и сумасшедшего". Если право быть

Платон, ^{говорит, что} ~~описывает~~ философия -

οὐδὲν ἄλλο ἐπιδεδούσιν ἢ

ἀποδρῆσκειν ἰς καὶ τερνάραι, (Phaedon

никого много не говорят, как управ-

ляются в умирании и смерти -

то что и никаким сомнением в том,

что мало людей в наше время так

отдавались философии, как Платон.

Все, о чем писал Платон за по-

следний десятилетия своей жизни, -

Как то, что увидено светом еще

при его жизни, так и то, ^{после его смерти,} ~~что было~~

которое ^{после его смерти} ~~написано~~ было в виде послания к смерти -

прямое или косвенно относящееся к тому,

всучено обладателю его душевой темноты.

или сср II 7 bis
HBI p 132 lym 4 § VIII

Француз ~~указав~~, что много обещ-

ночью мо-же, ^{откуда} это, когда и в каком виде

Литисеень или роуонагольница по-

Встрече за първото ми посещение

огула, и т.ч. много обогатили и исоб-

со второй стороны и Бог и человек

и страни по елу бало иди на

и испростили мне ~~Господи~~ свою ошибку для того чтобы

ношу и доминирующую ^{ношу} естественную —

Июнь, как непременно было в

получебник

возрожденному человеку вернуться к ма-
териалу жизни и славы безмятеж-
ности блаженственного существования.

Все, что в мире Ивану было не-
много, тошноту омерзительности —
как омерзительность разлагающейся
трупы. Ибо кажется, что, при всей
своей продуктивности и силе, человек
уже не все показывает из того,
что ему самому показывала прои-
стая жизнь Ивана Ильича. Оно не
такого просит — что и говорить —
чтобы отрисовать мерзость омерз-
ительной ^{до бездны} тошноты, где Ивану Ильичу
видны свои идеалы. Но, нарисо-
вавшись, или картина все такая,
раскололо мне кажется, была же
такая страница, как та гримаси-
тельность, от которой она писалась.

Может издать — себя, или, своим
или читателем, литературным или
трагическим — не знаю. Но и того, что
он рассказывает нам, что это такое.
Чтобы понять, что такое это про-
сто непонятно, разумеется, и то

[illegible]

только себе самому - своим гор-
 бам и своим энергиям. В то же
 время и несколько не совсем волею,
 как они презирают много людей,
 которых не хотят пробыть
 в жизни с собственными силами.
 Слабость, неудачливость - и по-
 тому в их глазах синоним.
 Они, конечно, готовы за дружбу
 подтвердить извечную поговорку:
 на Бога надейся, но сам не
 плошай. Но это понимают не
 все, а только такие, что Бог обязан
 помогать тому, кто сам не
 складывается. Если бы они
 имели при себе что-нибудь
 образованное, они сказали бы: *facienti*
quod in se est Deus infallibiliter
dat gratiam. И, если бы наивно
 возмущались бы теми, кто говорит,
Deum necessitari non posse. Менее
 они угадывают слова не знают, но
 вопрос, так ^{обвиня} ~~воинствующий~~ и ~~воинствующий~~
 что они не только теологически и моралистически,
 но политически и социально по своему-

во дружна, конна, терпелива. ~~Был~~ Настоящи-
ей человек, это такой человек,
у которого есть средства и Бога ро-
положить на свою сторону. Молча,
тучное святи - ^{грабдну} похитил путихено
верно до его же работника килла,
оо трыдоча добо вависену пучина
диз тилии грони - все эти гератун-
но. Доч, Ваенин Андреевич - в
мощь. Онь и много возит кихов
и на зениго и на нево. Онь, в своем
лице, совмещает - будучи говорит
уже все ученики и возмущеники
справненими: он пучно, ибо Протон
задает Ваенин Андреевич на-
руто ту задачу, которую вкони
разрешили ученики и возмущеники
люди - и так Ваенин Андреевич
совмещает в своем лице и Каллема
и Сократ. Онь обещания со-
собственно ученики и собственными
силами - благо получе зресо, и

от хитрости, поддержи вали собою толпу
убогих, что вы не абоман восте,
а благогоу тосовуете ихъ."

Понетой особенно поддержи ваете
этотъ баръ Василіе Андреевича
убогихъ себя и другихъ въ сво-
ей правотѣ и сара ведн восте. Баръ
градоуцкой, деду Василіе Андр-
евичъ баль бн по нмъ, если не вѣнмъ
обязане. Черезъ поскольго страницъ
онъ дастъ по нмъ еще однихъ оу-
зель брехуновлаго толмача. Но
пути къ состоутому по нмъ нмъ, у
которо К. Д. криторзовалъ роизу,
неутомимой дноты, въ брехуновъ
потнстисъ снстисъ хитрости и нмъ
пероукаго ком.

- Это вы, берите безпошречнаго,
дорого не по нмъ! - прокричавъ видъ,
чувствуя себя возбужденнаго и
потому нападн на любимае, ~~есть~~ помогавшее въ по нмъ нмъ нмъ,
занятисъ баромъ нмъ нмъ.

- А то рубликовъ нмъ нмъ нмъ нмъ,
нмъ, и на копной нмъ нмъ, ^{сказала хитрости,} ~~Внмъ~~,
что краеная чина безпошречнаго,

которого хочет ему отдать В.Д., рублен
сам, а чин В.Д., отговаривая ему по-
шаду, будет считать ее рублен в
обязательство и тогда да пошлется
не увидишь чего деню.

— Лошадь хороша. А твое тело,
наше солонку сего. Носовости. Бран-
ковы пиканного человека не обидит.
Русская моя пропадет, а не то,
чтобы, наша дружба. Почести — прокри-
чал он своим птмн пошлется,
которого он заваривать зуба
своих продавцов и покупателей.

— Лошадь пошлется.

Достаточно тмн фвучь прихорова,
чтобы инвентаризовать то, что мы
говорили раньше о Бренунов. Это
не ваниль ильич, не ординарный
человек. В его купеческом званні,
почти, он тмн, в ролик
даря власть собою ильичи, на-
равнать всецело на баранину.

Он обещаете тмн, он

вадаровь прихорова проху у союда
хранилища у него, как у старшего,
политика, он пошлется зерновыми
зернами и т.д. Но Буче Бренунов
пошлется судбой ваниль, ильичи он

особенный
путное образование — его тонус,
который он заваривает в зубах
покупателя и продавца своих,
пришлось бы дать больше значитель-
ности делу. Кто знает, во что
бы удалось ему угодить тем миро-
вые круги людей, к которым он
хотел бы тогда обратиться? ~~и как~~
~~же~~ Если жене, когда ему ^{тогда} удалось
взять свои руки подолжью окру-
жить ~~тот~~ вернуть в себя и все
такое вернуть в него — чтобы он
думал о себе и о людях о нем, если бы
он был профессором, ученым, госу-
дарственным деятелем. Вроде
такой талант в улитке по-
хитить себя людей. И, наоборот,
удача таланта ^{успехи, общие признания} ~~успехи, общие признания~~
обладателя такого в своих
правах. Может ли кто знает — он
нарочно вложить свой своего расказа
не первого восточного, а сильного,
крепкого человека. Этого то чело-
века он ввернул не по порно-

ной титкой — и вдруг перенесетъ
 ся въ новую, послѣднюю, для условий —
 въ то существо, о которомъ
 мы уже знаемъ изъ смерти К. И.
 и кикиты саровотгастъ Брену-
 нова и замерзаетъ вместе съ нимъ.
 Но замерзание Кикиты ничемъ
 толсто, ни для насъ не представ-
 ляетъ особаго интереса. Моментъ
 и правъ В. Л., когда онъ, собираясь
 покинуть своею вѣчною работни-
 кою говоритъ: „ону — все равно
 умирать. Какая его жизнь! Ему
 и жизни не только, а жить, слава
 Богу есть, хоть потихонько“. Кикита готовится умирать
 умираетъ — но не и жить онъ — только
 съ тѣмъ безмятежною покорностью
 судьбы, которая благодаря своимъ
 скоростямъ и одною вѣткою почти сокру-
 шительной, покоряетъ вначалѣ
 закономъ, міру не дастъ человѣ-
 ческому мозгу никакого индивиду-
 ального, мучительнаго дѣла своего
 и зафиксированнаго впечатлѣнія.
 Это творится въ думѣ Кикиты

слу, что ба пожелать спору ни со ох-
ченно вы ины руги тѣ potestas clavium,
благодари которой оны тѣхъ - все убо
решио издрогъ въ будущесе, како будутъ
оно бачо постоишущи. Вотъ о томъ
думаетъ оны, въ тѣ время, како нѣко

одрѣтѣи нѣкии дремлетъ нощь
падеющаи снѣгомъ и стараетъ

хотѣ како нѣбудо прихотѣ свое
заблудяще тѣло отъ пороховъ
разбучевавшася вѣтра. В.А.

одрѣтѣ ^{порони} ~~тѣло~~ - сну изъ тѣло и
оны, како тѣхъ прошлое и снѣгомъ
тѣло въ будущесе, уверени, что
елу-то всегда тепло будетъ.

... при родитѣлихъ накой поимъ
домъ бачъ? Тѣло снѣ, деревенни-
мученихъ богатыи: ружика, да посто-
янои двора - и все имущество въ тѣло.

А въ что въ 15 лѣтъ сдѣлать! Давна,

дѣла кабака, мельница, оспака,

дѣла илѣнѣ въ оренѣ, домъ

самбаромъ подъ тѣловъной крашѣ,

вспоминать оны о кордоствѣ. ¹² ке

то, что при родитѣлѣхъ Кони Кнѣ

взвешивать? Брехуновъ. Я
пошелъ такъ, потому - что пошелъ
стараться, не такъ, какъ другіе - не такъ
или мушкетеры или занимаются
до сих поръ сочиняетъ Брехуновъ
похвальное слово тому ^{разумному и деятельному} ~~ничему~~,
которое одно, по моему глубокому
убежденію, является истинно
всего больше не земное. И еще разъ
скажу: если бы Василий Андрее-
вичъ получилъ настоящее образо-
ваніе онъ бы могъ на ту тему
написать превосходной этико-ге-
лософскій трактатъ, который
бы съ удивленіемъ и восторгомъ
читали бы люди и которые бы
применяли не на округу - а на всю
Россию, на все міръ. Я не могу
двигать дилеммы или близне-
цы, хотя они сами просятся
подъ перо. Пусть читаются друг-
друзьямъ - только проба во всякомъ
случае ^{не} будетъ лишней - и не
покину было ^{уверенно} Брехунова

и перпендикулярно ко второй пошол писать
 рассказа, в которой Кабачков ^{вплотную} встает
 тело почти (подключить) со своим кри-
 тиком не написавшего Бренуновского
 философского трактата.

Среди своего размышлений Брену-
 нов ^{тоже} задремал, но вдруг что-то
 толкнуло и разбудило его. Мучительно
 это дернуло из под него собою
 или это внутри его что-то вско-
 лыхнуло его, только он проснулся
 и сердце у него стало стучать
 так быстро и так сильно, что
 ему показалось, что сам трясется
 под ним. Вот оно, когда начи-
 нается это-то, чего Бренунов,
 не смотря на свою долгую жизнь
 и разносторонний опыт совершенно
 не подозревал. Кружится голова,
 но крайней мере для него, Брену-
 нова, не платиной конца-отца, опыта,
 обезличивши ^{обезличивши}
 миром, восторг, замерзающий и ^{Или} та
 и трясущийся Мучитель. Авантюра
 безвасилии, по биситион, не отсту-

налицу страхе. Тут ^и ~~глаголет~~ ^{глаголет} ~~об~~а-
тний вопрос, когда представляющийся
человечу в трудном положении -
и теперь возникает предъ Ц. А. и
во дороте советни неогрешен. Дити
нуре во самане вопросе обакновени
бывали элементъ иво которае сла-
давался отбита, ~~снова~~ во которае
бали по пройдену нуре на мекки и
возможность отбита. На этотъ
разъ ничего подобнаго нитъ. Вопрос
исключаетъ великую возможность от-
вита. Ц. А. и роткаго делятко.
Видавишь оиъ воякис видъ на сво-
сиче отку. И оиъ вояда ситъ ови
бала дуротви въ врагиче, доикъ и
отрашнанич. Ко тучитъ балочти т
танос, чего и и парочии неовъ бали
от придумати. Врачи бали ~~тоже~~
сича, ~~какой~~ сича необаковенич,
отнево. Но и этъ сичево отрошнени-
невиданой. Ченуда бала награ-
вита свои удара ^{раичи} на отъ него бали
звизица отбоя. Ц. А. все можети поби

ритъ, что въ тѣхъ дѣлахъ иа самомъ
 дѣлѣ. Давно не то, что поблудитъ,
 оиъ и представитъ сирѣ и людемъ,
 что сирѣ ба поставила человекъ
 въ тѣхъ дѣлахъ истрахъ истрахъ
 похвалитъ. Тутъ чай тѣмъ казавъ,
 ноги остановились въ уринки-
 ии въ дѣло тѣхъ коровъ, кор-
 кава, сирѣтвину, похвалитъ. Не-
 прѣтъ. Но тѣмъ было сирѣтвину
 боритъ, сирѣтвину, что урѣтвину
 ритъ, ритъ ритъ, приказавъ
 кикитъ, правитъ Мунортанъ, похвалитъ
 и теперь ~~все на то же~~. Превос-
 брѣхуновъ - и охотѣ дѣлѣ вѣрѣ
 въ свои тѣхъ похвалитъ вѣрѣтъ отъ сирѣ
 похвалитъ и обмановъ казавъ казавъ
 похвалитъ. "Опять ^{оиъ казавъ} ~~сирѣтвину~~ сирѣтвину
 барани, дѣлѣ ка казавъ, опять
 сирѣтвину вѣрѣтвину предъ собой и
 казавъ казавъ на себя и на свои пох-
 валитъ, но все теперь похвалитъ
 казавъ казавъ похвалитъ казавъ

«похвалитъ казавъ»

«похвалитъ казавъ». (Похвалитъ и казавъ)

18
страны, ... Рядом они и ста-
рались думать о своих разчетах, о
мате и о своей славе и о своей гости-
ннице и о богатстве, страна все
больше и больше зовущая вперед и на-
зад.

Не смейтесь, если Бренновы думают
о своих гостинице и о своей
славе. Ведь рассказы написаны

поистине. А Молотов в, Исповеди
повторил слова Зари Соловья. (продолжение)

У Бреннова, повторил — прои кончил
он творить ... Молотов — Бача и у-

боком уверено, что он не да-
рою против своего миза. Им

только в форме подвизах, осязает
и слышит, воплотилось в нем

жизни. Бренте вите — и бойтесь,
не ошудените. Но, как бы васок

ба не брали — кто бы и вправду,

по приходу Саломе Молотов — горько

лица бы до Зари Соловья глас

этими писками и молотом

и совершенно разуму
Наша молодость сего. Притом, там
Вторит, ну что спросит — не об-
маним, что У. Д. по ласканию рас-
матривать: ему там не мешает,
он гораздо умнее, чем в думает —
они ехали сродом. И вот, в послед-
ней раз, когда все свои силы,
тотчас отбрасывает — мой титан,
мой мятусь, ^{причисляясь} ~~мой думает~~
мудрости и поучающейся
Культу, мой отбрасывает безбож-
ной, ^{мирной} ~~половой~~ ^{буквально} — и да
что в мире не повторю. Еще
сего отбрасывает — сего отбрасывает стран-
и лодку, что в коню, что
ну что сдвигает. У. Д. показывает,
бросить Жюкину, попутать свое
счастье, и верю, на Мудрости
отправитесь отбрасывать дурю.
Романский разумнее, что и говорит:
единственный разумный романс —
что не замечать и в самом

сбросить, страшно
разум в нем был, он падал, что
мбнн ^{определяет} ~~определяет~~ ^{сво} ~~сво~~ ^{на то} ~~на то~~ ^{изра-} ~~изра-~~
зум.

гляд, какъ собака - ему, Брехунову,
 столько лотъ удивляющему Роеву,
 Европу - все лишь своими глазами.
 Василий Андреевичъ глядитъ по-
 лодному, отъкаичи полати бортомъ
 съ пивидианъ врагомъ. Но то, что
 онъ глядитъ, что ему пришло гл-
 латъ собственно ни на како^{двѣ} ~~дѣ~~^{дѣ},
 не пошло. Въ полати полати,
 покорно еще исцелилъ туга, куда
 онъ ее ^{попалъ} ~~направилъ~~ - ^{но} ~~та~~ твердость
 въ мысли, которую онъ вносилъ
 въ сего и чуждъ и на которую онъ
 вса полагался ~~никакъ~~ ^{испытанъ} ему.

Сачъ не замечаетъ, что глядитъ,
 онъ безпрестанно лотило и напра-
 лий. Все пугало его, онъ дрожалъ
 больше отъ страха, чѣмъ отъ холода -
 отъ страха - предъ собою беззас-
 ливан - предъ торгавшими и
 подъ сего въ терно болонинномъ и т.р.

Все принимало въ глаза растеря-
 ма вса Брехунова глядитъ вса
 очертаи - онъ полати въ чужбѣ

до такой степени противились полонителем, растеряли
природе, что казалось ^{самое или существование} невозможным, валились.

И, наоборот, либо фальшь пробы, что старая роща

иди еще только роща, тогда зная

все по-прежнему — «быть» — это страши-

ли, музическое, пугающее. Расте-

бурьян, гермиданский — в нем не-

когда и было нечего и безразло-

вано, ни подозрительности. Это и

до новых сил означало в нем —

откуда они там пугаются. И ни о

одни. Все в этой ^{грядой} ~~страшилке~~

пустоты было неслучайно призрачным.

«Вздрог какой-то странный

крик раздается около его ушей,

и в задрожании и затрепетании

ноги и т. д. саванна и в нем

показалась, но и еще показались все

трескается и странной крик стал

уже ужалить. Коснулся ли мучит

и. д. не могу вспомнить и не

что случилось. А случилось тогда

ми, эти мушкетеры, ободрив себя как
призавов к бою на поле боя, зарывают
своими фронками, забывшими
полком. "Когда ты пропаешь! ко-

нужно мне, прожитой славой
своей В. А. ты и почва истинно

причину труда, о чем ты не можешь ра-

зотить его. Последнее средство.

уходит — стране становится са-
мостоятельным казном

модернизации. Даже, когда на-
даться объяснений — они не успева-

ивают, не помогают. "Когда

одумается, остепенится" — востает

В. А. — и направит. О чем ты пере-

тупишь роковую черту — о чем ты

отрывается навсегда от берега, от

твердой земли, от ее порядка, от ее

прочных законов. Объявить ли

о нем или не объявить о нем, что тер-
роризм и бурная борьба не вы-

носятся и что, с точки зрения

этих растений и что, с точки зрения

этих растений мушкетеры, да и от

того несколько не отличаются

ли
которых приводе заговаривали все
страхи и сомнения —

Да и втория-ли бива ти обяснения?
свои твита-ли и въскапои днѣ
Не остравастиа ли въ черномъ кутур
какая тѣ ~~набав~~ таченіи си на
сила, престо скривавшася отъ
Брежневъ? Василий Андреевичъ
свалился съ лошади въ сугробъ -
лошадь скрочила изъ виду и оста-
вила его совершенно одного въ избушкѣ
снѣгу. „Роща, валуны, аренда, кабо-
ны, миллионы краткой должи ак-
ции, копейки - подумалъ онъ -
како же все это останется. Это же
что такое? Не можеть быть -
мелькнуло у него въ головѣ. И, подумавъ
то ему вселенила потемнѣла
отъ вѣтра черно-бѣлая, много
которая въ прозѣтаа гбаради
и на него падали такой ударъ,
что онъ не вернулъ въ чувство
тѣлѣнствъ того, что съ нимъ было.
Онъ подумалъ - „не воскили вѣща?“
и хотѣлъ проснуться, но проспать
некуда было. Онъ пробовалъ припом-

нить все тѣ тѣснѣе познаний,
 которыхъ помогали ему въ еще не-
 сколько часовъ тѣмъ изучающъ со-
 зрѣлѣе и отличать другъ отъ друга
 почитъ. Отъ дилетантизма, а въ отъ-
 сѣ — и ^{прежде} ~~дальше~~ и понятное при-
 чина стѣсненъ и не давали ни-
 какого руководительства. Ничего
 они ^{не} раздѣляють, ищутъ и угадываютъ
 и не знаютъ неучеба. Тогда еще
 бросилъ эти свѣтскія тѣснѣе
 и вспомнилъ, что въ его распоря-
 женьи есть поистинѣ дѣйствительность, но ко-
 торому онъ до сихъ поръ, во
 всякой обстановкѣ никогда еще не ^{серьезно не пользовался}
 обращалъ, и, котораго оставилъ
 онъ всегда про запасъ, на крайній
 случай. Карина Небесная, свѣтлая
 отъ Миколасъ, воздержанная учитель-
 ботаника онъ вчерашней молодежи
 и обракъ съ черными лицами въ золу-
 той ризѣ и свѣтъ, изъ которыхъ онъ
 продалъ по тѣмъ образамъ и кутурѣ
 тѣмъ же приносили ему наизусть
 и котораго онъ, чуждъ обгорѣвшимъ, при

только во сне. Но он стоит просит
этого самого Николая чудотворца,
чтобы он спас его, отпустил его
полезный и святой. Но тут же-я он
знаю, как много можно понять, что тот

17

мил, ризы и святой, овиценки
молитва - ^{было очень важно} бы это (пусть) то же,
в церкви, но это здесь они не
не могли сдвинуться, что между
тот или святой и молитва и
соответственно терпеливым по-
мощности нет и не может
быть никакой связи. Но с этим

и то, что было прежде всего
и уже можно связать со те-
поручие положен? В верном

и славой у нас Бредунов ^в не те-
деланы прийти в лагерь там
и было опровержению ^{слова} ~~потом~~

Но терпеливым среди непривычных
условий нового существования он
мечтает, как великой и гласной
просто противуположное тому, что

объяснить и, ну не знаю, почему
гласит, что и объяснить - это
всегда непонятно объяснить, т.е.
связать с известными или не,
это объяснять показывать что не
абсолютно непонятно привела бы
ко плоской или к грубой графиче-
зации. " И. Д., работающая
Молотки, с полнотой и с точностью
молча, но потому вдруг с точкой
которой
проявилась возможность, с ~~каждой~~ ^{каждой} из ^{этих} ^{точек}
разъяснения при ваточном
покупке, он отступил назад
назад, возмущенно рыва шуба
и при этом ^{второй} ^{ваш} ^{заперши} ^{ан}
никиты. Бренуновы, с низом сдвиги
с высоты своей слова до того
маленького дна - не касаются
это обилие, наладкой и поворот-
ности. Но тут, пока ватане
себя еще против Бренунов - от
туберкулезной потребности телового

тут, впрочем, область обличия уже
давно кончилась. Все, что здесь проис-
ходит, по самому существу, объяснений и
допускает, в к. доходит,

хотят что-нибудь уполнот, чтоб
не изгнать пришло бы что нем-
бачно смерти. Волею славян,
отринувшись от киевской гонимости
и отнявшись от Киева отсюда "привороти-
мъ и востанемъ, со само возведемъ"
бачи. ~~Киевская~~ ^{Брянская} ~~Брянская~~
въ ¹полъ дна ²раза ³появляется на
своей манере отойти на ⁴первый ⁵пер-
вый ⁶все ⁷из ⁸держимъ в ⁹руках
свою ¹⁰protestus clavium.

— А вот что-то, а то и воровство-
похищение. Держи, держи, держи
вот так... начался в. д.

По той же манере только начался —
конца. Держи, держи, держи, держи
Брянская уже и может говорить.
И это свое "я" пришлось востан-
сидеть за Горьким. "Моя востан" —
прежде возмущало — теперь не возмущает
даже, если бы оно востанало само
великое самоинтерпретирование. Другое,
совсем другое и чужое. "Давно"

к своему великому удивлению, он
не мог говорить, потому что сего
дню встучели на глаза, и чини-
тельность быстро закрылась. Он не-
решительно говорит и только потому
то, что подруга пошла ^{сильно} в горы. «Ва-
стрица, а вы же; ослепе-
те, думаю, вы на себя. Носовость
это вы не только не была пере-
жито, но доставляла вам нелю-
бимую, несправедливую
никогда радости. Эта новая,
еще никогда не испытанная ра-
дость от слабости в Гринуэ, в
бессмысленности жизни которого был
в том, что радости, радость и
любовь дают только сила и
остаток начал и даже уже превращений,
таинственного и былого исленно-
ного, ради которого было призра-
нием и мистическим, и неслучайно
«Ж. и Р», так и все же, что он

писалъ писалъ „Д. Куп.“ Брехуновъ,
 по слову М., и по слову твою
 по мечтѣ, все еще по мечтѣ
 берущей насъ и много силъ собою
 по слову твоему „глаголю“ — и по слову, какъ
 вы, спасаю души твои, по слову твоему
 о вѣсѣ твоей, и эта вѣсѣ твоя
 прекраснаго сознанія, ^{столбованія} все крѣпко
 и крѣпко и, и крѣпко, и крѣпко
 утѣшаютъ. Отвѣтъ оуна вѣсѣ
 насъ радостно о своей слабости.

Оно не боится смерти — сила
 боится смерти, и слабости — это
 страшно чуждо. Работы сложны,
 что ее зовутъ куда то въ
 среду, где оно, такъ оно зови-
 мому и призрачному, и въ чемъ та-
 кового, ева по слову твоему.

Брехуновъ торопиво, торопиво
 и уныло, отвѣщаетъ и отъ
 насъ своихъ, и о насъ своихъ, и
 отъ своихъ, отъ своихъ своихъ

пойтели, среди ^{всего и} милости. Не дано бач.

попало к нему "сладости"

for BI app 139

Молотом спокойно утерев в соборной
постели. Укажу человека свои

судьба. ^{Утром} Во дни своего боления
тобице, другой великий старец, лет,
пришли

попыток. поздравил отъ все пороки
сердце, аман: welch ein feierlicher Tag.

Организовался назад, лет чувствовал,

что во ночь - глупая, полная,
подготовила жизнь. Очч сгорает

все, что есть -

Этот мирного захват

творца ограничил нежный понос от

и нас, в миге той

За миром в лесной негдеи тени

творца оправдано пошла он.

Но, сие загрозило жизнь нашу дама -

он, зрелищный влиять отдаленным

и, в збутом, широким отдаленным

Все до нас долу отдаленным

Во предвечном и великом зрелищном

и в миге сие зрелище не смущено.

Наконец творец великий у нас -

стихотворений Баратынского мно-
го 'развело' замкнуло из уст и
сильно лишило. ^Етѣ начал и
кончить жизнь - и в той жизни
мелко и нежно прижавшись, как чужды
что нежничать убоавитъ, она-
медведь в своем роде - и Баратын-
подготовил речевую в своем вли-
копчикоу стихотворений тѣмъ
исполнить сонетъ ^Етѣ, погребая ко
многого исполняющего 20 томи
и том своей жизни. Вечной душой
что вися вознестись он и предв-
ноу. Жизнь Московского балла
исполнить продолжительной; сн творчески
и исполнить подготовили. ^Мслова
о великомъ злате
его провозвѣща еще при жизни
обошла все міръ, и только не мало,
всюду полны своимъ талантомъ он
описано все и тѣмъ и новымъ образомъ
изъ дому, какъ отъ него ^{много} многого юности изъ утѣхи, утѣшитель, и

неопредѣленно

много о слове

гоукоу, какъ и в балла и оу-
ного и снотки, слова которыхъ
при жизни
обошла в вѣкъ и тѣмъ талан

То снѣ 6 6 м о р о м

11

83; 12: II (m 1)

„Резенда о великостъ и инвизитурѣ“

Достаточно по замыслу своему

900 тона представлять ить себя бы-
 обвинение
 поцелуи крики котомки.

Я очень сильно люблю Армена, и не

у Дмитрия Ивановича

и изучи основательно
ознакомитесь
изучите проблемы настоящего

~~неприимчив~~ как для себя. Он в зинах,

Нормально, и о востанавлении питания, и

и о воспитаньях наших, и
о беззачетных, неоправдываемых ни предъ какими средствами

индустриализма, и о беззачетных —

узи - днѣ вѣснѣ знають. Знають

то, что все из нас имеет и в распоря-

мелкий, и до 10 тср, возраст овечьих

протиса католичества. Но и я Ми

тему, и по количеству откликов

высравной независимости являлись

оправом квинду, ит. ит. ит.

Этот пропуск не вброс в ученики

Било у него на дурно место

ему, если лишь изобразим.

Развитие в, ^и ~~развитие~~ идея о

внутренней сущности и назначения,

наполненности, если в нас вдуматься,

может быть отнесена и в самом

деле ко всей духовной жизни

Европы — лишь она рисовалась

достойному. Главной чертой Евро-

пы — это ее неприятие. И что же

не делали, наши западные соотеч-

ественники — не изобретали и не

сбывали — в науку, литературу,

природу, ^{догматическую} ~~религиозную~~ — на всем как

пови должна была быть ~~презирать, фактически~~

Европейское отрицательство и

лучше европейской науки. Как

наука в Европе достигала своего

своего, т.е. человеческого разума,

так и европейская религия поло-

гается только на то, что тело

было само по себе, ~~пока~~ ^{пока} ~~пока~~

может сгорать. В этом смысле

"лессиф" о великом и неизбежном.

зоборитъ дане пряздо болше, чимъ
можетъ казати ся со прваго взгляда.
Она поведиитъ и тоги гвуктаеде-
иитней исторіи Европа. Великоу,
отельного срдани -добилитъ до-
тосевскій своимъ западнмъ со-
дмиз, но да то, что воимъ удмлого
добитъ во западнмъ странной
цмной. И во сами знасте, не мода-
те не знатъ, кикун жертву при-
неси во на алтаре вашей цивили-
зации и лучшій, проицанти-
иитиіе мседу воимъ муитиіевои
изнесомогатъ подъ претенсїю ин-
той ити на себя коллосальной
отторжстїи воиміи. Великий инвизи-
туръ-вопроцїиіи всего, что даю
кой-боимъ чмловмсего и индїиіи
значителмво во Европм фмтеи
признаитъ прсуд мнцмн тои, от-
котїорам индїи и срдм - что

для европейцев прикрасились восток —
 на бугорках восток и запад, что ~~суть~~ миром провидит Мунг,
 кто, стоящий на горах условнохоты и
 со разумом, она в алоо периметром.
 Пришедший со востока сбитъ запад
 поны иуданъ представилъ безпрос-
 вотный тьмой. ^{но историческим} ~~Нужно было~~
 пригласить келовъ было откратъ
 отперся отъ возвысивший итима —
 и катоничеству оставая иуданъ
 влодъ — катоничеству, востокъ и западъ,
 поудоничитъ ^{западное} Божественное слово
 поизитъ келовъ келовъ. Око
 отъ и едоголо — на ^{томъ} Божество, 192
 годема Бжиа Бжиа итима оно
 бодукино бодукино, гостукино
 катоничеству
 чюданъ, келовъ слово. Велики-
 катоничеству пришло и откратъ го-
 своу таятъ востокъ госту
 боритъ ~~западное~~ итима!
 ма не с тобой, а с тобой, то.
 с тобой Божество, катоничеству
 маю врагомъ. Нашъ катоничеству

Вотро и допоздны, что добоит,
Антихристъ въ мѣстѣ на не-
пѣтѣ, ему похотѣ сужитѣ, и по-
вѣ со способны, безпохотѣ и по-
хотѣмъ похотѣ похотѣмъ
и похотѣмъ, и похотѣмъ. Мнѣ,
чемъ требую что каю тѣ -
похотѣмъ похотѣмъ похотѣмъ - ма-
похотѣмъ не похотѣмъ, для каю по-
хотѣмъ похотѣмъ похотѣмъ всегда
похотѣмъ похотѣмъ похотѣмъ и тѣмъ,
похотѣмъ похотѣмъ похотѣмъ,
похотѣмъ похотѣмъ похотѣмъ, - похотѣмъ
похотѣмъ, что похотѣмъ похотѣмъ
похотѣмъ похотѣмъ. И похотѣмъ, похотѣмъ
похотѣмъ, похотѣмъ похотѣмъ, похотѣмъ
похотѣмъ похотѣмъ, и похотѣмъ
и похотѣмъ и похотѣмъ не похотѣмъ.

Каю похотѣмъ, каю похотѣмъ похотѣмъ
похотѣмъ похотѣмъ похотѣмъ. Она похотѣмъ
похотѣмъ похотѣмъ похотѣмъ. Она.

то, что ему больше всего нуж-
но, да и ему прочно, неслыхан-
но, а не — во всем политическом отяжелении
своем с политическим и величайшим
истинной. Но политическая свобода,
то политическая, чтобы человек имел
свободу — и не от себя утратит.

Твоей воле предложено и не опре-
деленной разумею — ибо разум
неограниченности быть и может —
и не принял он дар, как бы
говоря, о тебе отвергнул. Мне
о тебе, о себе ничто.

Мне говорить Достоевский
в лекции о великом и низком
жизни о католической церкви.

Мне писать то, отклоняется
ли католический мир как грозный
обыкновенно русским писателям.

Во всем, добровольно или невольно
католическая политика, с которыми
католическая политика, с которыми

это пришлось ознакомиться, а
 так же разу и было удивлено

и изумлено, что это и притом
 случайности. Видно по-прежнему, обилие,

которые представлять и латини-

стету Достоевский, уже одичавший — и уже явился.

Богом ему представлено — и еще

его Голова, во много раз более
 сильной и страстности и утонченности.

За три с половиной столетия

до Достоевского Лютера назван

нашу Антихристом, а на него

человека — антихристовый.

Наша же уже заметила ранее,

что в его основании лежат,

что Достоевский и ^{много} Лютера и

о его грехе и том, сколько сущности

содержит, это только Богом во-

полнено, что не только в России,

но и в Германии, родилось и

идеологическая страна материализма,

въ книгу писать, — если можно
спешащего доисследовать и уяснить
и даже излагать Лотса отню-
дому неясно. Больше того —
и уверю, что, если бы представили
благотворному
~~пожеланию~~ потерянному найденному
заинтересованное и сочинение
Лотса, то ~~назовем~~ ^{автора} ~~Амбро~~, — напр. de servo arbitrio ?
и то бы и у нас отнюдь не
отнюдь. Боюсь, что сами
Восточники, которые бы «писали»
о великом универсуме Гундара
но повторяют все то, что было
в духе Лотса, когда он в са-
мостоятельном, а не никому неизвестном
показе со своими аргументами
и показом ап. Павла из Рима
написано — сам Восточник, если бы
ему представит ^{де} de servo arbitrio —
или даже о вавилонском потопе
зеркало — предпочло бы лучше отнюдь

ах католических, эти поименно
 за Лютеров. Иначе говоря, мне
 представляется, что справедлив
 ее откровение ^{ввися} ~~о~~ Лютеру не-
 тленной едва ли было бы поводом
 Достоверно. И, конечно, не ме-
 жено судить, в какой связи на-
 гласно ^{глубокое} ~~глубокое~~ Достоверно
 в том, что было до него сра-
 жено Лютером. ~~Достоверно~~ И если
 Лютер, не смотря на то, что
 эти реформации, как не увидит
 нити, постаралась приспособить
 нити к нити обогатили и
 из того произвела нити и
 такую же операцию, когда и
 сего было Достоверно, катол-
 ческого против него подвиги
 дружба - и если Лютер все же
 и против ~~глубокое~~ ~~глубокое~~
 чести и сего нити ~~глубокое~~

могли прососатся до отгребания
 людей от побуждений духовной воскре-
 сения востанов. Могут быть, без
 Лютера достосветил и не приняв
 бы в последнюю тайну посто-
 яства, т.е. могут быть и
 не пришло бы в голову нести
 неволей в тайники карманы
 и бытие глубоко скрывать чело-
 веческой души. Но, так или иначе,
^{благотвор}
~~всего~~ ли да Лютера или совер-
 шенно самостоятельно (и не в си-
 час и такой возможности и, сие
^{такие}
 бы ~~яко~~ допущен охвачено бар-
 ной для нас было бы это особенно
 интересно и погнитоливо) пришед
 достосветил в своей оценок капи-
 тализма — мой должна оставаться
 предв и прохитившись, почти нево-
 лонно и неграмотно: так, где

Мало раз там, где